

תרגומי השירה הלירית לעברית מרוסית מאט אדולף גומן

Лирическая поэзия в переводе с иврита Адольфа Гомана

Натан Альтерман
поэма «Радость бедных»

נתן אלתרמן
הפואמה "שמחה עניים"

СТИХИ

примечания и предисловие переводчика

שירים

הערות ופתח-דבר של מתרגם

adolf.goman@gmail.com

Натан АЛЬТЕРМАН

(1910-1970)

Моей дочери Дине (А.Г.)

Содержание

תוכן העניינים

Предисловие

פתח-דבר

"שמחת עניים"

* (فتיחה)

פרק א'

א. שיר לאשת-גנורים

ב. אָרְבָּא לְעִיר

ג. הַבָּכִי

ד. הַבָּרֶק

ה. פָּזָר מִקְנָא לְתֹן רְעֵיתוֹ

ו. הַחֲלֵד

ז. הַמְּשֻׁתָּה

ח. בְּקַשְׁתַּמְחִילָה

פרק ב'

א. שיר פְּשָׁקָר

ב. שיר שְׁמַתְתִּיעִינִים

ג. שִׁיר נְשָׁל אֹר

ד. שִׁיר מְחוֹל

פרק ג'

א. הַטְּנַבָּאָר

ב. פָּזָר זָכָר אֶת רְשִׁינוֹ

ג. הַטְּיוֹל בְּרוּתָה

פרק ד'

א. מִקְרָה הַכְּסִיל וְהַחֲקָם

ב. לֹאַ נְלִיכָה אֶת הַחֲרֵפה

ג. הַבּוֹגָד

פרק ה'

א. שִׁיר נְשָׁל מְנוֹחוֹת

ב. כְּאֵשֶׁר הַרְזָאוֹת תְּחַשְׁכָּתָה

ג. תְּפִילַת נְקָם

ד. הַשְּׁבָעָה

ה. הַמְּחַתְּרָת

פרק י'

א. שִׁיר נְשָׁל אֹתוֹת

ב. קָצְצָבָב

Фла-двар

"Радость бедных"

Вступление

Глава 1

1. Песнь молодой жене

2. Пришелец вступил в город

3. Плач

4. Молния

5. Пришелец ревнует к красоте своей жены

6. Крот

7. Пир (субботняя трапеза)

8. Просьба о прощении

Глава 2

1. Песнь лжи

2. Песнь радости глаз

3. Песнь света

4. Песнь пляски

Глава 3

1. Бубен

2. Пришелец помнит своих друзей

3. Прогулка на ветру

Глава 4

1. Сказ о глупом и мудром

2. Куда девать стыд?

3. Предатель

Глава 5

1. Песнь упокоения

2. Когда видящих скроет тьма

3. Молитва о мести

4. Заклинание

5. Подполье

Глава 6

- [1. Песнь знамений](#)
- [2. Кончина отца](#)
- [3. На земле камней](#)

Глава 7

- [1. Ночь осады](#)
- [2. Рассвет](#)
- [3. Город пал](#)
- [4. Заключение](#)

על אָרֶץ-אֲבָנִים	פרק 2
א. לֵיל הַמְצֹרָר	
ב. שְׁחַרְתּוֹת הַעִיר	
ג. נַפְלַת הַעִיר	
ד. סִים	

Предисловие

פָּתָח-דָּבָר

Весной 1941г. увидела свет "Радость бедных" – большое произведение Натана Альтермана, оставившее глубокий отпечаток в сознании целых поколений любителей поэзии, комментаторов и исследователей. Сильное впечатление от него среди юных и взрослых читателей связано, в том числе, с неразрешёнными загадками, скрытыми в нём, с простёртым над ним покровом тайны.

Например, известный критик Дан Мирон утверждал [2] в 1981г., что "до сих пор не найдено никакого объяснения, способного в убедительной форме разрешить трудности, которые оно вызывает", и потому "Радость бедных" представляет собой, по его словам, "самый сложный объект не только среди произведений Альтермана, но и вообще в современной ивритецкой поэзии". Двумя годами позже профессор Боаз Арпали тоже говорил о "загадочности названия и составляющих текста" [3]. А Мордехай Шалев пошёл дальше, представив основную проблему в статье, посвящённой вовсе не "Радости бедных" Альтермана, а "В ожидании Года" Беккета [4] :

"Предназначены ли современные литературные загадки для того, чтобы их решать, или они преднамеренно останавливаются на этапе введения в заблуждение? Имеются ли вообще логико-лингвистические эквиваленты, позволяющие определить и понять их? Или по своему характеру они предназначены дать возможность читателю заглянуть в как бы религиозный мир, где эти категории нерелевантны и всякая попытка навязать их искажает самую их суть?"

Однако, именно Б.Арпали [3,7,8] и М.Шалев [4,1] предложили две концепции для объяснения глубинного смысла поэмы (см. Послесловие).

Еврейская молодёжь, которая была пленена стихами книги "Звёзды вовне" Натана Альтермана, вышедшей в свет в 1938г., – это то же "поколение земли", которое получило в свои руки в 1941г. "Радость бедных" – произведение другого времени и изменившегося Альтермана (насмотря на сохранившиеся основы). Поэзия, нагруженная языком древних источников, таинственная тем, что в ней ясно, и ешё больше тем, что в ней скрыто. Внешние опасности, очевидные до ужаса. Тайна расколотого единства двух людей, их взаимозависимость, ревность и любовь, насыщенные страстями, между "живым мертвцом" (бедняком) и его женой (она же "дочь").

Поэт Хаим Гури спросил Альтермана о смысле названия "Радость бедных". Альтерман ответил: "Пришла страшная буря, и люди задают себе вопрос: что останется от духовных ценностей, накопленных человечеством, от искусства, дружбы, любви, отношений между отцом и сыном, между мужчиной и женщиной? И вот попытка ответить на этот вопрос: останется жизнь в разгаре смерти, клятва верности, память, надежда, продолжение".

В 1940г. Альтерман боялся, прежде всего, почти неизбежной гибели еврейского ишува (населения) в Палестине (Земле Израиля) от рук немецко-итальянско-арабско-французской (вишистской) коалиции (Армия Роммеля в Египте, итальянские бомбардировки Тель-Авива, ожидаемое вторжение из Сирии). Но в то же время ужасная опасность грозила как европейскому еврейству, поскольку Польша и часть Восточной и Западной Европы были уже фактически в руках нацистов, так и всей гуманистической цивилизации в случае победы идей рэсизма, тоталитаризма и нигилизма.

Альтерман хотел дать духовное оружие тем, кто не желал подчиняться этим силам и предпочёл бы смерть в борьбе, где сама смерть, как ни парадоксально, может стать победой жизни и духовных ценностей. По сути дела, Альтерман ставит гамлетовский вопрос: достойно ли терпеть безропотно позор судьбы или нужно оказать сопротивление, восстать, вооружиться, победить или погибнуть?

Книга состоит как бы из двух частей. Две первые главы – личная драма ревности и сложных отношений между пришельцем с того света и его молодой вдовой. Накал страстей заставляет вспомнить строки из "Песнь песней": сильна, как смерть, любовь, как преисподня – лютая ревность.

В последующих главах добавляется тема надвигающейся трагедии планетарного масштаба – распространения власти фашизма и вероятной катастрофы еврейства, как в Европе, так и на Земле Израиля. К двум главным героям здесь добавляются и мертвецы "подполья", и живые братья главной героини, готовые стоять насмерть в предстоящем штурме города. Тем не менее, автора не покидает надежда на последующее "великое спасение" еврейского народа и всей цивилизации.

* * *

Текст книги строится на необычайно богатом фундаменте – как еврейском (от ТАНАХа, Талмуда, молитв, песнопений, через еврейскую поэзию средневековой Испании и фольклор, до Бялика и Бренера), так и европейском-христианском (Новый Завет, английские и французские баллады, пьесы Шекспира, романтическая литература, романтическая и символистская русская поэзия и т.д.). По форме – это модернистская поэма с элементами баллады.

Многие стихотворения в книге "начинаются за здравие, а кончаются за упокой" в прямом и переносном смысле, в ней немало оксюморонов, но "Радость бедных" – книга не абсурдов (противоречий здравому смыслу и природе вещей), а парадоксов (которые при более глубоком осмыслиении выясняются как истина, сложная для понимания).

Название поэмы заимствовано из стихотворения средневекового поэта, которого называли Шмуэль а-Нагид.¹ Хана Ривли-на [5] писала: "Напряжение, существующее в этом выражении между бедностью и радостью, амбивалентность, осознание каждого из этих

¹⁶ Шмуэль а-Нагид (полководец) – один из самых значительных еврейских поэтов средневековой Испании (993-1056г.г.). В течение 30 лет был великим vizирем мусульманского княжества Гранада, успешным командующим армией и министром финансов. Писал стихи на семи языках. Всегда способствовал развитию еврейской общины и иврита. Во дворе его резиденции находился фонтан, поддерживаемый 12 львами, впоследствии перенесенный во дворец Альгамбра. Выражение "радость бедных" взято из его стихотворения "Боже силы, Бог ревнивый и грозный":

понятий в отдельности и во взаимосвязи – в этом, в широком смысле, значение произведения Альтермана. Насколько мне известно, после Шмуэля а-Нагид до Альтермана это выражение не использовалось".

В соединении актуального и вневременного, национального и общечеловеческого кроется, по всей видимости, секрет силы этого таинственного произведения, единственного в своём роде. В нём современная ивритская поэзия достигла одной из самых высоких вершин в своём развитии.

* * *

Комментарии переводчика к поэме «Радость бедных» см. в разделе «Статьи на русском языке» данного сайта.

При переводе не делалось попыток передавать цитаты из древних источников, которыми изобилует поэма (редакторы [1] приводят около 200) в их установившихся переводах на русский язык. Это практически неисполнимо в рамках стихотворного текста, и, кроме того, знакомство русскоязычных читателей с этими текстами далеко от уровня, позволяющего по памяти определять источник цитаты. Минимально необходимое количество цитат дано в примечаниях.

В приводимом тексте поэмы на иврите сохранена орфография пятого, прижизненного издания 1955-56г.г.

Я благодарю ведущих форума интернет-сайта "Натан Альтерман" за разъяснение тёмных для меня вопросов и Владимира Шейнкина за замечания, учтённые при редактировании перевода.

Литература:

1. מסכת "שמחת עניים" בעריכת ידיב בן-אהרון, עלי אלון, 2001
(כולל מאמר של מרדכי שלו "מי מפחד משמחת עניים?")
2. דן מירון. "מפרט אל עיקר", 1981
3. בועז ערפל. "עבותות של חזק", תשמ"ג
4. מרדכי שלו. "גונבים את הבשורה", 1989
5. חנה ריבליין. "הסתורוקטורה והמשמעות של "שמחת עניים" לנathan Altman, מבחינת המוששות הלשוניות, תשמ"א
6. דן מירון. "ארבע פנים בספרות העברית בת ימינו. המת והרעה" 1975 נומנចץ עינה אסכטן
7. בועז ערפל. "חזרות ההשווואה". פרק 4. 2005
8. בועז ערפל. "שורת המורדים". 2009

"И итог дня – избавление, день празднования, как день радости бедных после жатвы". (В ТАНАХе – Писания. Книга Псалмов, 126, 5 – сказано: "сеявшие в слезах жать будут с пением").

Вступление

Пришла Радость бедных. Стучится в дверь .
 Сколько бедный-как-мёртвый ждал!
 Принесла Радость лиры ². И вот теперь
 Этот радостный час настал.

И сказал: "Как я счастлив сейчас,
 Радость бедных услышал хоть раз".

И, уснув на соломе, ограблен дотла,
 Он мечтал до утра лишь о ней.
 Слаще мести и тела больнее была, ³
 И последней овечки белей. ⁴

И сказал: "Как я счастлив сейчас,
 Что нашла меня в этот раз".

И сказала: "Не гость, не помощник я, нет.
 Недруг близок, встречай беду.
 Час последний настал твой, и скоро вслед
 За несущими гроб пойду".

"К тем, кто мучил меня что есть сил,
 Как вернёшься ты, Радость?" – спросил.

И сказала: "С тобою пойду до конца.
 Как живому должна долг отдать.
 Моего ты не видел при жизни лица,

דָּפְקָה עַל הַדָּלֶת שִׁמְחַת עֲנֵיִם,
 כִּי חִכָּה לָהּ בָּאֵישׁ עַד עַת,
 וְתַשְׁאַכְפֵּרְךָ שִׁמְחַת עֲנֵיִם,
 וְיִשְׁמַח בָּהּ עֲנֵי-כְּמֹת.

וַיֹּאמֶר: מַה טֹּוב וּמַה גָּעִים,
 כִּי שְׁמַעְתִּי שִׁמְחַת עֲנֵיִם.

וְבְּלִילָה, בְּלִילָה, שְׁדֹוד וְגַזּוֹף,
 בְּלִמְהָא עַל מֵצָע הַקּוֹשׁ:
 פְּלוֹמָה כְּנֻקְם וְכְאַבְתָּ פְּגָזָף
 אַצְּפָה כְּכַבְשָׂת הַרְשָׁה.

וַיֹּאמֶר: מַה טֹּוב וּמַה גָּעִים,
 כִּי בָּאתָנִי שִׁמְחַת עֲנֵיִם.

וַתֹּאמֶר הַשְּׁמַקְהָ: לֹא, כִּי בָּא מְשִׁחִיתָה.
 לֹא, כִּי בָּא לְרַיְמָן אַפְּרָן.
 לֹא פְּקַדְתִּי בִּיתֶּךָ, לֹא דָרְכָתִי גַּתְתָּה,
 רַחַ אַלְהָ עַם נֹשָׁא-הָאָרוֹן.

וַיֹּאמֶר: אֶל צָרִי וְמַעֲפִי,
 אֵיר תְּשַׁׁבֵּבִ, שִׁמְחַת עֲנֵיִם?

וַתֹּאמֶר: בָּור אֶרְד אַתְּךָ, אִישׁ-הָאָרוֹן,
 כִּי נֹשֶׁה אַתְּה בִּי כָּמוֹ חִי.
 כִּי פָנִי לֹא רָאִית עַד יּוֹם אַפְּרָן

² "Сион, ... я лира для твоих песен". Иегуда Галеви (ок.1075-1141) – еврейский поэт и философ, живший в Испании. Игрой на лире сопровождались празднества и хвалебные речи (ТАНАХ, Пророки, Псалмы, 33,2 и др.)

³ В оригинале обыгрывается одинаковое написание в иврите слов "сон, мечта" и "здоровый, сильный" (обычно о душе). Но, вероятно, Альтерман, говоря о Радости "здрава (сильна), как месть, и больна, как тело", имел в виду известную латинскую пословицу "(только) в здоровом теле здоровый дух", восходящую к выражению из сатиры Ювенала (Mens sana in corpore sano). Альтерман в завуалированной форме отрицает это утверждение – нет, не только! В этом идея всей поэмы: и перед лицом смерти слабый телом должен быть силён духом.

⁴ Намёк на притчу о богаче, отнявшем последнюю овечку у бедняка (ТАНАХ, Пророки, Самуил, 21, 1-5).

И до смерти врагам не видать".

וגם צר אל יראני זמי.

И сказал: "Будет мир и покой.
Ведь теперь Радость бедных со мной".

ויאמר: מה טוב ומה נעים,
כִּי אָתָּה שְׁמַחֲת עֲנֵימָם.

Глава 1

א

Песнь молодой жене⁵

Нет, не всё суeta сует,⁶
Нет, не всё, - говорю тебе я.
И деньгам мог сказать я "нет",
И года сжигал не жалея.
За собой шёл, девочка, вслед,
Как идёт за верёвкой шея.

Ты решила платочек надеть
И сказала: "Теперь не забудет!"
Дал зарок я не есть хлеба впредь,
Пока рот твоей плотью сыт будет,
Дал зарок на тебя лишь смотреть,
Пока силы в глазах не убудет.

Но болезнь порвала цепь дней,
Нищету ты со мной узнала,
Она дочерью стала моей,
А болезнь моим домом стала.
И мы стали собаки бедней,
И собака от нас бежала.

⁵ В оригинале "жене юности" – широко применяемое в иврите выражение из пророка Исаи, где говорится об особо тесной связи еврейского народа с его Богом, который не оставит надолго свой избранный народ даже, если тот на время отступится от Его заповедей: "Ибо как жену оставленную и опечаленную духом, призвал тебя Господь, и (как) жену юности, которая была отвергнута, - сказал Бог твой. На малое мгновение оставил Я тебя и с милосердием великим соберу тебя" (ТАНАХ, Пророки, Исаия, 56, 6-8).

⁶ "Слова Коэлета, сына Давида, царя в Йерушалаиме. Суeta сует, - сказал Коэлет, - суeta сует, всё сует".
(ТАНАХ, Писания, Коэлет, 1,1). "Коэлет" обычно приписывается царю Соломону.

א. שיר לאשת-נעורים

לא הכל בבליט, בת,
לא הכל בבליט זהבל.
גם לך סוף הפרט בריתי.
גם זריתי ימי להבל.
רק אפריר הילכתי, בת,
פצואר אחריו היחבל.

כ' עדית מטפחתר, בת,
כ' אמרת לנו: הבט וראנה,
ואזרך לא לנשוך פטוי,
עד שפי מ��ירה תקינה.
ואזרך לראותה, בת,
עד עיני מראותך תקינה.

והכה חלוי, בת,
וקענו כפה פנינו.
ואומר לחלי ביתוי,
לעוני קראתי בוננו.
ונדל מקלבים בתוי,
ונינסו כלבים מפנינו.

И поднялся металл, и срубил
Мою голову вмиг с твоей шеи.
Ничего не осталось, лишь был
Под ногами мой прах рассеян.
И железо лишится сил,
Только страсть к тебе не слабеет.

Тело хрупко, крошится, как мел,
Но не знает предела сила.
В жизни счастья я не имел,
Мне земля постель постелила.
Но в веселья час среди дел
Встретишь взгляд из моей могилы.

Ещё ждёт нас радости свет,
Души, девочка, нам согреет,
И с земли, что нам дал завет⁷,
Ты ко мне сойдёшь холодея.
Нет, не всё суeta сует,
Нет, не всё, - говорю тебе я.

2. Пришелец вступил в город

Город в осаде. Никто не пройдёт.
Но я обойду охрану.
Я, бедный-как-мёртвый, найду проход.
У твоей двери, спящая, встану.

Не рука, состраданье моё
Зашитит, как огонь и копьё,
Укрепит, когда кончится время твоё.
Я – свидетель, помнящий всё.

از עליה הברזל, בת',
וְבַסִּיר גָם רָאשִׁי מַאלִיכָה.
וְדָבָר לֹא מוֹתֵר, בְּלֹתִי
עֲשָׂרִי בְּמִרְצָף נַעֲלָה.
כִּי בְּרַצֵּל וְשָׁבָר, בת',
וְצַמְמָאִי לֹא נִשְׁבַּר אֶלְיָה.

לא לכח יש קץ, בת',
רק לגוף הנשבר כחret.
לא פקודה השמחה בית'
ומצא עדמה לי ערך.
אך ביום בו תגיל בת',
גם פגלה עיני מארץ.

עוד יבא יום שמחה, בת',
עוד גם לנו בו יד וחבל.
ונחחת על עדמת ברית'
ואלי יורידוך בתקבל.
לא הפל הבלים, בת'.
לא הפל הבלים זהבל.

ב. גָר בָא לְעִיר

העיר נצורה מבוא ומיצאת,
ואני אַעֲבֹר לְבָטָח.
אני הז'אָר, הענִ-קְמָת,
պָעָמָד עַל שְׁנַתָּה בְּפִתְחָה.

ובאָפָ-כְּפֹות אַחֲזָן,
וְקַאֲשׁ וְחַנִּית אַגָּזָן,
וּבְטַרְמַ-אַבְצָן אַמְצָר לְמוֹעֵד,
אני הז'אָר, אני בעד.

⁷ В оригинале "земля союза", заключённого Богом с праотцами еврейского народа, земля обетованная (ТОРА, книга "Ваикра", 26, 42).

Чтоб свечой угасла ты, буду желать,
Чтоб приблизил меч день расплаты.
Но стану пороги весь день обивать,
Чтоб вечер ещё прожила ты.

Хлеба кусок принесу,
Имя твоё вознесу.
К иссохшим губам прильну свежей водой
Я, полный заботы, седой.

Не спасёт от несчастья живого живой,
Но ты будешь любовью укрыта,
Беспощадной, нездешней любви пеленой,
Как грабёж среди дня открытой.

Поклянись всем, что свято тебе,
Черпать силы в ужасной беде.
А, когда не хватит и сил любви,
Меня, кто после всего, зови.

Город в осаде. Никто не пройдёт.
Но я не вернусь обратно.
За тебя, - ей клятву мертвей даёт, -
У двери умру семикратно.

Как огонь и копьё, защищу,
Силой свыше людской награжу,
А когда твоё время придёт, как свечу, -
Я, чуждый – тебя погашу.

3. Плач

Я слышал, как ты ночью плакала одна,
К подушке прижимаясь ртом.
Хотел я этой ночью, стоя у окна,
С тобою быть, хотя бы за стеклом.

יום-יום אַתְפֵלֶל שְׁתָכֵלִי כְּמוֹ נֵר
שָׁאֵלִי תְּרֻדֵּי בְּחֶרֶב
וַיּוֹם-יום בַּעֲדָךְ עַל פַּתְחִים אֲחַזָּר,
לְמַעַן תָּחַי עַזְדָּעָב.

פַת לָה אֲבִיא אַחֲרֹנָה,
בְּשֵׁם לָה אֲקָרָא רַאשָׁנָה.
הַחֲמָת אֲגִיעָאֵל פִּיה שְׁחָרֶב,
אֲנֵי הַדּוֹאָג, אֲנֵי הַשְּׁבָּב.

כִי הַגָּהָה לֹא יוֹשִׁיעַ הַמִּי אֶת הַמִּי,
וְאַבּוֹא כְּסֹתֶתֶת אַהֲבָה כְּפִים,
אַהֲבָה לֹא סֹלְחָתָה, נִכְרִית לְאַמִּי,
גָּלְבָה כַּשְׁדָבָאָה בְּאַחֲרִים.

וְאַתְ בְּאַלְהִים הַשְּׁבָעִי,
כִי אֹזְנִים מִצָּרָה תְּשָׁאֵבִי,
וּבְהַגִּיעַ עד נֶפֶשׁ, תְּרִימִי קֹול,
אֲלֵי הַאַחֲרוֹן, הַאַחֲרוֹן לְכָל.

כִי קָעֵיר נִצְוָרָה מִבָּא וּמִצָּאת,
וְאַנֵּי אַעֲבֹר לְבָטָח.
בְּעֵדָה, בְּעֵדָה, אָמַר הַמִּתְהָרָה,
שְׁבָעָתִים אַמְוֹת בְּפַתְחָה.

כְּאֵשׁ וְחַנִּית אֲגֹן,
וְכָמֵן לְאָאִישׁ בְּרָאַתְנוֹן,
וּבְטַרְמַ-אַבְדָּן אֲכָבָר כְּמוֹ נֵר,
אֲנֵי הַנִּכְרִי, אֲנֵי הַגָּר.

ג. הַבְּכִי

בְּלִילָה זו שְׁמַעְתִּי אֶת בְּכִיה בְּכָר.
רַעֲוֹת וְחַנְאָקֹת בְּכִיתָה.
בְּלִילָה זו עַמְדָתִי בְּחַלּוֹן הַקָּר,
לְהִיוֹת אַפְרָה מִבָּעֵד לְזִכְוִיכָתָה.

Во тьме я видел скорбь твою, как в ясный день,
И руки, исхудавшие в беде.
И судорога боли била мою тень,
А кости рвались подойти к тебе.

О девочка моя! В оковах нищеты
Надежду потерявшая давно,
Сквозь слёзы на меня в окно смотрела ты –
Прозрачного, пустого, как оно.

Ты знала, ночь кругом – без ветра, без огня,
И лишь моя душа стучится в дверь.
Ты обо мне рыдала так, будто меня
Избрал своей добычей хищный зверь.

Я иногда бреду, как громом поражён,
Незрячих страх не в силах победить,
Когда ты вдруг зовёшь меня со всех сторон,
Как мальчик, над слепцом решивший подшутить.

В убогом доме слова некому сказать.
Не двигаясь и не открыв лица,
Ты, голубь жертвенный⁸, осуждена рыдать
Без памяти, без мысли – до конца.

Ты плакала в подушку в сумраке ночном.
Катились твои слёзы с век моих.
Поставь обидчиков твоих к окну лицом,
Дай дотянуться мне до горла их!

Мои несчастья мне теперь вовек нести,
Но плач твой вынести мозг не способен мой.
Плач остаётся в нашем доме взаперти.

בָּאֵין לִי עַד רְאִיתִי עַל פָּנֶה מָה רֹב
וְזִרְעוֹתִיךְ כִּמָּה שְׁחִפוּ.
עַל כֵּן צָלִי סְמֵר מִפְּרָט בַּמִּארָב,
וְעַצְמוֹתִי אֲלִירַ רַחֲפוּ.

וְאַתְּ בְּכִיתְ פִּי רֻעָ. כִּי רַע זִמְרָ, בְּתִי.
וְאַתְּ בְּכִיתְ שְׂנִיה וְחַדְלִינָה.
אֲלִי נְשָׁאת עִינִים בְּלִי רְאִיתִ אָוֹתִי,
אֲתִ הַשְּׁקֹוף וְצָחַבְתִּי.

וְאַתְּ יְדַעַתְּ פִּי לִיל וְגַם לֹא נָעַלְהָ
וּרְקָ נְפָשִׁי קְוֹשְׁבָת וְחוֹלָה.
וּרְקָ עַלְיָ בְּכִיתְ כִּמָּו דְּזִרְעָסָ עֹזָה
וּרְקָ אָוֹתִי בְּתָרָלְוִי לֹא לְאַכְלָה.

כִּי יִשְׁ אָחָדְ פְּתָאָם וְכָמוֹ אָזְבָד אַלְרָ
וּפְחַד-הַסּוּמִים עַלְיָ עֹזָר,
עַתְּ מַאֲרָבָע רֹחֲוֹת קֹרְאָ אַלְיָ קֹולָה,
כְּנֻעָרָ המְתֻעה אַתְּ הַעֲרָ.

וְאַתְּ פְּנִים כְּפִיתְ . וְהַרְגָּף לֹא אָמְרָתְ.
וְחַשְׁךְ בְּבִיכְרָ וְדַם יוֹנָה.
וּבְמַחְשָׁקִי נְצָרָת וּבְמַרְחָקִי מְרָתָת,
עַד שְׁקָחוֹן, עַד כְּלוֹת, עַד אַיִן-בִּינָה.

וְאַתְּ רָאֵשָׁה כְּבִשְׁתָּ, וְאַתְּ טְרָפָתְ בְּכָרָ.
וְדָמָעוֹתִיךְ רָצָו עַל פְּנִי.
הַגִּישָׁי אַתְּ עַלְבִּיכְרָ לְפָלָן הַקָּרָ,
פְּבִיאָי אַתְּ גְּרָנָם בֵּין צָפְרָנִי.

כִּי אַתְּ הַמְּרָ מִפְּרָט נְשָׁאתִי בָּאִידִי
וְאַתְּ בְּכִירָ כּוֹשֵׁל אַנְיָ מְשָׁאתָ.
אֲתָּה הוּא בְּבִיטִי ! אֲתָּה הוּא בְּבִיטִי !

⁸ В древнем Израиле бедный человек во исполнение грехов мог принести в жертву двух голубей (ТОРА, книга "Ваикра", 5)

אַתָּה הוּא יְחִידִי כְּמוֹ בָּחֶטָּא !

Как во грехе - наедине с тобой!

Жена моя!.. Ты тьмой укрыта до утра.
Не шелохнусь, лицом к стеклу прижат.
Ты спиши, подушка у тебя от слёз мокра,
И только кости мести дробь стучат.

4. Молния

И даже шум дождя тебя не разбудил.
Швыряет буря струи в темноте ночной,
Холодный молний свет твой город ослепил
Безумием огня и красотой.

Смерть в этом свете, вечности мороз.
Как стены, рухнет вмиг - и строит вновь мосты.
Навис над домом он, как бич. В нем семь полос –
От золотистых искр до черноты.

Вот юности напор – ночь молний и воды!
Ночь силы! На лице твоём исчезла тень.
Такою в юности мечтали видеть мы
И жаждали тебя в субботний день.

Ещё взгляну, ещё. Пугать не буду я.
Ты спиши без снов. Вокруг всё сплошь – огонь, вода.
Я счастьем, юностью наполнил всю тебя,
Но не узнаешь ты их больше никогда.

И я тебя украшу мёртвою красотой,
Усмешкой слабою потрескавшихся губ.
Снаружи, девочка, столб молнии косой.
Я ослеплён, и дом до самых труб.

- - רַעֲנֵתִי, אֲפֻלָּה בִּינֵנוֹ הַזְּכֹכִית,
קְרַבְתִּי עַד. וַיָּרֹם בֵּי לְאַקְמָ.
אַתָּה יִשְׁנָה בְּכֶר אֲשֶׁר עַלְיוֹ בְּכִתָּ.
וְקַם. רַק עַצְמֹתִי מִפְּכוֹת נַקְמָ.

ד. ברק

וְשָׂאוֹן הַגְּשָׁם רַד, וְהַזָּהָא לֹא יַעֲירָה.
סְעוֹר טַלְטָל הַגְּשָׁם וְקָרְעִים זָרָקָ.
וְאַחֲרִי גַּבְיָה אַיְרָוָאת עִירָה
יְפַי וְטַרוֹפָו שֶׁל הַבָּרָק.

צְלָמֹות בָּאוֹרָה. אַלְמֹות בָּקוֹרָה.
וְכְחוֹמֹת יְפֹולָה. וְכְחוֹמֹת יְשֻׁבוֹב.
וְעַל הַבָּיִת גַּח וְשַׁבָּע הַזָּרָעָה
מִן הַשָּׁחֹר – קָלִיל ! – אֶל הַהֶּבֶב !

לִיל מִים וְבָרָק ! לִיל גַּהְרָה וְנַעֲוָרִים !
לִיל כַּח ! בְּשַׁנְתָּה אֲזִירִים פְּנִיה, בַת.
כְּחַזָּאת, בְּתִי, אַוְתָּה אַיְנוֹ, הַנְּעָרִים,
כְּחַזָּאת חַכְפָּו לָרָה לְעַת שְׁבָת.

אַבְטִיכָה, עַד אַבְטִיכָה. לֹא אַבְהַלָּה.
וְנִמְתַּת לְאַיִן מְרַאֲתָה וְנִמְתַּת בָּשָׁחֹר וְיִקְוָד.
וְאֲשֶׁר וְנַעֲרִים עַלְיוֹ אֲפָלָה,
כִּי לֹא תְּדַעַי אַוְתָּם, כִּי לֹא תְּסִיפֵי עַד.

וְאֲפָלָה עַלְיוֹ אַתְּ יְפִיָּה הַמְתָּה
וְאַתָּה חַיְור שְׁפְתִירָה הַסּוֹדוֹקָות, בְּתִי,
כִּי בְּחוֹצֹות בָּרָק, בָּרָק אֲדִיר עַמְדָה,
וְסְנָרִים נְשֻׁטְפָתִים עַם בִּתִּי.

5. Пришелец ревнует к красоте своей жены

В праздник наряд не оденешь свой,
Рада не будешь вовек.
От соблазнов и лести закрыта стеной,
Чтобы не был с тобой ни один живой,
Чтоб не видела солнца, улыбки людской,
Обведу кругом тайным тебя я навек,
И буду, как коршун, кружить над тобой,
Чтоб ты не смеялась вовек.

Если в доме спасти замыслишь
И с друзьями побывать допоздна,
Не спасёшься, везде услышишь:
Коршун ищет: "Жена, жена!"

До бёдер, с земли до сокровища ног
Если б мог вновь увидеть тебя!
За тобою слежу я, как враг и как рок,
Чтоб никто завладеть тобой больше не мог.
Сладость рта, плеч тепло, блеск ногтей и серёг...
Враг – кто видит тебя, ты – обитель моя.
И рассеется пыль с твоих тяжких дорог,
И из пыли взгляну любя.

Если в чью-то постель заберёшься,
Будешь думать, что ты с ним одна,
От всевидящих глаз не спасёшься
И от зова: "Жена, жена!"

От взглядов, от пальцев, от вздохов чужих
Моя ревность хранит, как мать.
Иссушу твоё тело и душу, и их
Возжелать не придет ни единий из них.
Ужаснёшься до срока от прядей седых,
Ветер сдует любовников хищную рать.

אל תלכבי את שמלה החג.
אל תצחקי לעולם.
מסביבך יסנוג ויפתח וילחג,
ואני מעגל עולםים לה עג,
ואני על קו כמו עיט חג,
ممוליך מבני-חם ומוצרת מוקפלם,
לבל תראי שטוח, לבל תדע חג,
לבל תצחקי לעולם.

אם פנosi אל סתר בית,
אם בשבתי-רעם תשפי,
לא פנosi מזול בעיט,
פמצעך לה: אשתי, אשתי!

אל גבה מתרניר ויקר רגלה
מי עפר יגלה מעיני?
כמו נר אלוך וכאיב ארגלה,
פ' שליל את כליה, כליה, כליה,
בחזיז צפרניף ובגץ עגילה,
ורזאיך שעאי וחבב מעוני,
ונבקע העפר בו תדריך רגלה,
ונקעו מעפר עיני.

לכתר אל משכב בשנים,
יצוע-זרים תשעט,
ו פנosi מאיש-העינם,
מצעך לה: אשתי, אשתי!

מאכבע זרים, ממבט ונשימה,
הנאהתי תסבך כאם.
ושמתיר לשמה, ישובת נשמה,
לא חגה ירצה, לא קולר ישמע,
והקצתתי עליה זקונה בל יומה,
ונפוץ עגביה ולא נשיכם,

Не забудешь меня, пока стон твой не стих,
Супруга моя и мать.

И, когда потемнеет разум,
Сеть мою проклянёшь со дна.
Потеряю, что было, разом,
Кроме крика "жена, жена!"

זכורת לי כל אלה עד קלות נשימה,
רעה, רעה אם.

ובהיות בינתך לחשך,
ובנשך בקהללה את רשותי,
מה יותר לו לאיש-פחדך,
המצוקע עוד: אשתי, אשתי!

6. Крот

Я не зря тебе в верности клялся,
Рад быть щёткой твоим каблукам.
Я из глуби рыл ход, поднимался,
Словно крот – заколдован, упрям.

Ты и боль головы моей лысой,
Ты и скорбь моих длинных ногтей.
Меня в трёске стен старых услышишь,
В скрипе пола средь мрака ночей.

Против зеркала в раме из меди
Свет свечи твоей бедной нетлен.
Смотрят ночи, как злые соседи,
На тебя из укрытий и стен.

Мы с кротом к дому скрытно проникли,
Чтоб украсть, словно колос, тебя,
Но застыли не видя, поникли,
Ослеплённые нимбом огня.

*

Я не зря тебе в верности клялся,
Мне в тоске землю рыть суждено:
Твоей жизни во тьме добивался.

לא להבל נשבעת לרג אמן,
לא לשוא עקביך אשוף.
עם החולד חתרתי עמוק,
וכמוו עקש וכשוף.

את עצבת ראשי המקרים,
את יגון צפרני הגדוות,
את שמעני בנפץ הטעים,
בחרוק הרצפה בלילות.

מול מראה משבצת בנחשות,
מתגעגע גורך באביו.
זהולים אל פניה בחשך,
בק צפו מקמלים וחביבו.

ובצאת לי גבר כשבלת,
סקרוני הנגר בהלו,
ונתרנו אמי והחולד,
חשכים וסומרים למלו.

*

לא להבל נשבעת לרג אמן
ובצאר לי גו-ארץ אשוף.
אל חיר קליתי עמוק,

Ведь живой – он мираж, колдовство.

Что в тебе есть? Зачем унижался,
Как идёшь, как стоишь, вспоминал.
Дорожил мелочами, боялся,
Счастлив был за тебя и дрожал:

О тебе моя мысль, и под небом
От той мысли дрожу я в ночи:
Только б ты не осталась без хлеба,
Миски супа и светла свечи.

Я б хотел целовать твои руки –
Слаб и стар, как стара твоя мать.
И на мне твоя бедность и муки.
Ни спасенья, ни сна мне не знать.

Ты и боль головы моей лысой,
Ты и скорбь моих длинных ногтей.
От тоски не уйти ненавистной,
От заботы и думы моей.

Ибо никнешь уже, словно колос,
И осада вокруг на холмах.
Я и крот, мы слепы, дыбом волос,
И застыл в нас убийственный страх.

Отражаясь, колеблясь, двоится
Свет свечи за зеркальным стеклом,
И ты видишь во тьме наши лица,
Знаешь, мы от тебя не уйдём.

Потому, что весь мир наш раздвоен,
И вдвойне мы скорбим оттого,
Что нет дома без мёртвого в доме,
И нет мёртвых, забывших его.

כִּי הַחַי הוּא כְּשׁוֹף עַל כְּשׁוֹף.

תָּמִרְחָבֵן אֶת ! רָאִי מִה גָּלְעָגָתִי
מִה שְׁנִינְתִּי לְכַתְּרָה וְעַמְדָה .
גַּם עַל קָט וְטַפֵּל לְאַדְלָגָתִי ,
גַּם פְּרַדְתִּי מָגִיל בְּעַדְהָ.

מִסְבִּיבָה מִחְשְׁבָּתִי מִהְלָכָתִ
מִחְשְׁבָּתִי מִסְפָּרָתִ הַעֲרָרִ
עַל נִזְּד-הַפְּרוֹר וְהַלְּקָם
וּפְגָר שְׂיִסְפִּיק לְמָאוֹר .

וְאַנְיַ הַגּוֹתָן אֶל יְדֵיהָ ,
וְמִגְּעַזְזָקָן כְּאַמְּהָ.
וּמְשַׁא אֶת שְׁנִיר וּמְרַזְזִיר
בְּלִי מִפְּלָט וּמִמְּנָמָת מִמָּה .

אֶת עַצְּבָת רָאִשִּׁי הַמְּקָרִים ,
אֶת יְגֻון צְפָרָנִי הַגְּדוֹלוֹת ,
טְרַדְתִּי הַכְּבָדָה מִמְּשָׁכִים ,
מוֹעֲקָת הַרְהָוָר בְּלִילָות .

כִּי נִשְׁבָּרָת הַנֶּרֶךְ כְּשַׁבְּלָת
וְצִרְנוֹן עַומְדִים עַל תְּלִם ,
וּמְתַרְנוּ אֶנְיַ וְהַחְלָד
חַשְׁכִּים וּמְמוֹרִים לְמוֹלָם .

וּבְמַרְאָה מִשְׁבָּצָת בְּנָחָשָׁת ,
מַתְּמַנְעַע הַגָּר הַלְּחָה .
אֶת רָאָה אֶת פְּנֵינוּ מִחְשָׁה ,
וַיֹּדַעַת כִּי לֹא נִשְׁכַּחַה .

כִּי חַצְבֵּי הַעוֹלָם , כִּי הוּא שְׁנָם ,
וְכִפּוֹלָה הִיא הַמִּית מִסְפָּדוֹ ,
כִּי אֵין בֵּית בְּלִי מַת עַל כְּפִים ,
אֵין מַת שְׁיִשְׁפַּח אֶת בֵּיתוֹ .

Чудо – жизнь наша в доме унылом,
Мёртвых мыслями полнится он,
Чей настойчивый взгляд из могилы
На жилища живых устремлён.

ובלי קץ אל ערי נקאים
וישבי חיש ותל נבטים.
ונפלאים, נפלאים הם חיינם,
הפלאים מוחשבות המותים.

7. Пир (субботняя трапеза)

Вот бокал вина, свечи рядом.
Хлеб восславит молитва твоя.
Обвела ты пустой дом свой взглядом,
Твёрдо зная, что гость твой – я.

ז. המיטה

והנה פנרות פין.
והנה הפת לבירה.
והבטת כה זהה ואיש אין,
inidadת כי אני אורחה.

Приди, Радость, гостью к столу бедняка!
Будь свят этот день вовек!
Как свет, что лежит на лице бедняка,
Трепещет в душе человек.

تبוא השמחה אל שולחן עניים,
בליל התקדש המזעך.
משנים-גירות אור על פני עניים,
ולבכם עם קאור מזעך.

Твои руки белы, как прежде,
Но браслета нет и следа.
Белый фартук скрывает одежду,
А моя, та всегда бела.

אל מול מנוחות יידר,
לבנות אין צמיד.
פסנער הלאן לבגדיה,
ובגדי לבנים צמיד.

Садись рядом, Радость, всем место есть тут!
Будешь с нами и есть, и пить.
Сто, девочка, ласковых слов тебя ждут,
Но некому их повторить.

תשירה השמחה על שולחן עניים,
על חן מפתחם ומארם.
בפי, שמota-חבה לך, ספורים ומונאים,
אין דבר לאמרם.

Всё вино на столе осталось,
Хлеб не тронут. Платок в руках.
Только сердце своё надрывалось,
И от радости пира в слезах.

פָתַנְנוּ אֵינוֹ נִכְעָת
אֲכִיעָנוּ אֵינוֹ נִשְׁתָּה.
רַק דָּפָקָה לְבָתָה הַנִּפְצָעָת,
הַדְּמָעָה מִשְׁמָחָת הַמִּשְׁתָּה.

Ибо радость сильна на пиру бедняка.
Вовек будет свят этот день!

כי עזה השמחה במשתה עניים,
בליל התקדש מזעך.

בְּלִי נָע וְצַלֵּיל זֹהֲרִים הָגָבִיעִים,
וְזַדְוִי הַפְּרָתָ מַעַד.

Недвижно, без звука сияет бокал,
Дрожат на лице свет и тень.

Свечи гаснут с бокалами рядом,
Лишь вино сохраняет покой.
Обвела дом пустой свой взглядом
И заплакала: праздник какой!

И сказала: "Как ты, Радость бедных, сильна!
Тебя вынести сил наших нет.
Знать, и здесь не для радости жизнь нам дана,
И с собой не возьмёшь на тот свет".

8. Просьба о прощении

Исчезла краса твоя, дочь.
Нести груз несчастий невмочь.
Бежит утешение прочь.
И ни звука! Да будет ночь!

Без предела беда росла,
Изнурияла и смерть несла.
Я смотрел, как течёт слеза,
И не мог отвести глаза.

Страх и стыд ты прошла без слов.
Больше вынесла, чем Иов.
Как мертвец, одна в мире снов.
Жалок тот, кто судить готов.

Я злой речью тебя утомил,
Мелочами тебе докучал.
К горлу ужас беды подступил.
"До конца я с тобою," - сказал.
Но молчала ты тише могил,
Так, как город в осаде молчал.

אֶז כְּלִים פְּגֻרוֹת. רַק פִּין
שְׁוֹקָט כְּאֶשֶּׁר נִמְצָג.
וְהַבְּטָתָ כְּהֵ לְכָה וְאִישׁ אֵין,
וְבְּכִיתָ מַה גָּדוֹל הַחֲגָ.

ואמרתו: מה יפה אתה, שמחת עניים,
לביבנו שאתה לא נסفة.
גם תיינו שלנו לא לך עשוים,
גם אל קבר אוותך לא נשא.

ו. בקשת מחלוקת

ידעתי, חנוך הרוט.
ידעתי, עליך דרכך.
ידעתי כי נחם נס.
ויהי ליל. אין קול. כיopo.

בְּלִי עַצָּר קְרֻעוֹ גְּדָלָה.
וְהַשְׁחִימָה וְגַם קְטַלָּה.
וְעַיִן אַפְרִי כְּתַלָּה,
בְּךָ הַבִּיטָה וְלֹא סְדָלָה.

בפקדים וכלי מות גסית.
ונשאת הקשה משאת.
ותחמי בזדון כפתה.
יבוש המוצא בך חטא.

האליטה בבדרים על לבך.
האליטה בקטנות ונקלות.
את שותקה עיר נצורה,
כי גדלה מאשים ואלים.
כי גדלן יגונים ואירה,
ויאמרו לא נשוב עד כלות.

Я жесток. Ты устала, больна,
Исчерпала все силы до дна.
Сын уснул. Ты сидишь у окна,
И никто не придёт. Одна.

Будет месть за красоту твою, дочь,
За несчастья, чья тяжесть невмочь,
Но не будет живого – помочь,
А мне скажут: "Тише, ты: ночь!"

Глава 2

1. Песнь лжи

Домам суждено рухнуть,
Не век суждено им стоять.
Глазам суждено потухнуть,
Чужого не век желать.
Старый вновь молодость не обретёт,
Тот, кто проснулся, вовек не заснёт.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

Радость – покончить с собою,
Горе – жить, подлость терпя.
Радость – спросить: кто звал к бою?
Горе – спросить: кто судья?
Счастлив, кому уже больше не встать,
Горе бежавшим: вовек им не спать.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

Луна с солнцем сгинут не скоро,
А наши дни сочтены.

ומושט מפחידי יגעת.
את בני יחידי רגעת.
וכחך כחיש רקעת.
אין עד וועזר, רק את.

יש נקם לחנוך שחרו.
יש נקם על עלה שדרו.
אבל נחם לר אין. כי זו.
ויהי ליל. ויגד לי הֵס.

ב

א. שיר השקר

דין הפתים לשקווע,
לא דין הפתים לעמוד.
דין בעינים לגוע,
לא דין בעינים לחמוד.
דין היישן לא ליקום לעולם,
דין הנער לא לנום לעולם.
לא מפחד, בתוי, כי מגיל את צעקת.
את יודעת, כי שקר, שקר, שקר !

ישמח הטעיל על חרב,
ואבוי לירא מחתा.
ישמח השואל מי בחרב,
ואבוי לשואל מי שופט.
אשרי הנמצא בלי ייקום לעולם,
אבוי לנמלט, איך ינום לעולם?
לא מפחד, בתוי, כי מגיל את צעקת.
את יודעת, כי שקר, שקר, שקר !

חמה ולבנה ישוטו,
ארק ימינו כליל יכול.

Над отцами закружит ворон,
И будут рабами сыны.
Отец: Я бы в сыне продолжил путь.
Сын: Мне б, как тебе, навсегда уснуть.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

על אבות הערבים יעוטו,
ובניהםעבדים יהיו.
סח האב : לו הבן לי קום בעולם,
סח הבן : לו קמוך ינום לעולם.
לא מפחד, בת, כי מגיל את צעקת.
את יודעת, כי שקר, שקר, שקר !

Сильны дики, злобны были.
Стал за ночь наш брат стариком.
До вечера в грудь его били
И в спину до утра потом.
А утром он лёг, чтоб не встать никогда.
И видевший это не уснёт никогда.
Не от страха, от радости ты восклицаешь.
Всё лживо, лживо – ты, девочка, знаешь.

אמץ וזקוף הפה,
ואחינו בן-לילה שב.
והכה על פנים עד ערב,
עד בקר יכה על גב.
ובבוקר ישכב לבלי קום לעולם,
וכל קרוואה לא ינום לעולם.
לא מפחד, בת, כי מגיל את צעקת.
את יודעת, כי שקר, שקר, שקר !

2. Песнь радости глаз ⁹

Пришла злоба издалека,
Мыслит страх на тебя засаду.
Ночь, - сказали, - будет горька.
Дню, - сказали, - не будешь рада.

Злоба зрела и страх не спал,
Строят козни, чуть утро встало.
Их тебя сломить Бог создал,
И снести их силы дал Он.

В этом доме, что к горю привык,
Ты к субботе чепцом косы скрыла.
Моешь окна и каждый трясёшь половик,

עלמה מזימה ותקרב.
מארב הפחד שם לה.
ויאמרו לא לילך יערב,
ויאמרו לא אור-יום יنعم לה.

ועים לא עצמו מליל
ומימים התנכלו, לנגם.
ולשברך יצרם האל,
ולשאותם נתן לה כם.

בביתה המועד לאסון,
את שביס לראש עונבת.
את שטפה רצפתוי ורוחצת תריסו.

⁹ Альтерман превращает "радость бедных" в "радость глаз" и по форме, и по смыслу. На иврите слова "бедняки" и "глаза" – почти омонимы: переставлена (или добавлена, при полном написании) лишь одна буква **ו**. עיניהם ועיניהם

Пока стены стоят и стропила.

כל עוד נִמְתָּחַ בְּנֵי אֶחָד.

О покорная вечная мать
Всех живых, предназначенных тленью!
Ты поставлена грань охранять
Между жизнью и вечным забвеньем.

רְעֵיה נְרָצָעָה וְנִצְחִית,
אֲם כָּל חַי הַצֹּפֶה חִצְרָמוֹת,
אֲת שׁוֹמְרוֹת הַקּוֹן הַיִּחְיד,
סְפִידָל בֵּין חַיִּים לְמוֹת.

Тебя жажду всем телом, душой.
Но к тебе устремлён напрасно.
И беззвучно порхает твой смех надо мной.
Я, глухой, его слышу ясно.

וּבְנוֹתָךְ וּנְשָׁאָתִי רָאשִׁי
אֲל פְּנֵיךְ, כִּי לְךָ כְּמֶה.
וְצַחֲקָרָךְ מַעַל מַרְחָף חַרִישִׁי,
וְאַנְּיִ, הַחֲרֵשִׁי, שׁוֹמָעַ.

Да, я знаю, настанет пора,
Будешь сломлена этой бедою.
И сотрут твою радость, и скажут: "Пора!"
Но пока радость глаз со мною.

יָדָעַתִּי, יְרָאָה נִמְתָּחָה,
וְאָאִיד, וְפֹזְדָּה מְאַיִן?
וַיִּמְחַזֵּ שִׁמְמָתָה, וַיֹּאמְרָה: נִמְמָתָה! --
וְהַגָּהּ עַד שִׁמְמָתַ עַיִּים.

3. Песнь света

Опасности нет ничего ясней.
Лицо твоё открыто ей судьбою.
И каждая душа в свой срок между ножей
Лицо врага увидит пред собою.

אֵין גָּלוּי כְּסֻכָּתָה.
אֵין גָּלוּי מַולְהָ כִּמוֹ פְּנֵיכֶת.
כָּל הַנִּשְׁמָה, בְּתִי, תִּבְאֹא עַד סְכִינָה.
אַצְרָנְשָׁבָע : אֲהֵה לְךָ סְכִינָה.

Блажен, кто в доме взгляд мог видеть гордый твой,
Где траур и опасности повсюду.
Я потерял тебя, но, как арфист слепой,
Плутать в тебе, ликуя, долго буду.

אָבֵל אֲשֶׁרֶי רֹאָה. זָקֵר נִשְׁאָר אֲשֶׁר,
בְּבֵית הַסְּכָנָתָה, בְּבֵית הַאָבֵל.
בְּצַעַק אֲבָדָתִיר וּבְצַהֵל אֲמְשָׁה,
אַתְּנָעַ בְּךָ כְּעֹרֶךָ עַל פִּי הַגְּבֵל.

Как нож в руке твоей сверкает!
Так в бронзе свеч огонь играет.
Ты, как невеста в цвете дней, -
В наряде, скроенном с размахом
Несчастьем дня, вечерним страхом,
Как для веселья и гостей.

וְפָה בְּתִי בְּסְכִינָה,
כִּמוֹ מִנְרָה בְּצִיו קְנִיבָה,
וְכִמוֹ כְּלָה בְּאַבְבָּה.
כִּי פָאָרוּה לְפִי חָרְבָּה,
בְּפַחַד יוֹם וּפַחַד עֶרֶב,
כִּמוֹ לְגִיל וּלְרָאוֹה.

Но и, когда под звон браслетов,
Смеяясь, плясала ты для нас,
Рождая хор похвал, приветов,
Среди друзей, в потоках света,
Ведь каждый раз, ведь каждый раз,
Как птица мчит, к гнезду спеша,
О дочь, о дочь!
Искала нож твоя душа,
О дочь, о дочь!

Конец твой близок. Имени лишён,
Он смотрит, непреклонный, цепким глазом.
Как профиль царский на монете, он
На вехах твоей жизни виден сразу.

Жизнь на краю полна, сильнее человек.
Открыто всё, вся паутина в клочья!
На острие ножа нам не стареть вовек.
Как он, сияет твоя юность, дочка.

Как нож в руке твоей сверкает!
Так в бронзе свеч огонь играет.
Так ждёт невеста жениха.
Так в зеркале в лучах заката,
Как пред мечом стоишь одна ты
В сиянье глаз и их греха.

Ты сердцу не даёшь пророчить
Что сбудется – пусть не сейчас,
Но ощутимо ясно очень,
Хотя не видимо воочию.
И в этот раз, и каждый раз,
Как птица мчит, к гнезду спеша,
О дочь, о дочь!
Всё ищет нож твоя душа,
О дочь, о дочь!

אֵג גַם בְּקוּם צָחֹקָה מִנּוּעַר,
בְּעֲגִילִים וְצָלִיל צָמִיד,
וְגַם עַת קְזַמְתָּה תְּפַעַע,
בְּתַחַק שְׁפָעַת שְׁמוֹת וִתְאָר,
הַלָּא תִמְדִיד, הַלָּא תִמְדִיד,
כְּעֻזֶּף-כְּנֶסֶף לְקַרְאַת קְמָן,
בְּתִי, בְּתִי,
וַיַּצֵּא לְבָהָר אֶל סְכִינָה,
בְּתִי, בְּתִי.

את מחרשת קצה. רק שמו איננה קוראה.
oho נבט קרוב. והוא איתן קבוע.
קדזון המלכות על פני האגורה,
בכל תאי טיר הוא טובוע.

מיים על קו הэкץ, שלמים ופיקים.
הקל גלי ! הקל ! קרעעת את כל קורייה !
בתי, על חד ספין לנצח לא נזקן !
סכך נים יבריקו בעוריך !

יפה בתי בסכיניה,
כמו מנורה בזיו קנייה,
וכמו כליה ביום סטן.
כמול הרי בזרר ערב
כ ראייתך מול החרוב,
בזיו עינך וחתן.

וגם בקום בכיר מנווער
ואת חונקה לביל יגיד
את שיבוא אין למטע
את המקינה בשיט ותאר --
הלא גם איז, הלא תמיד,
כעוז-כנסף לְקַרְאַת קְמָן,
בְּתִי, בְּתִי,
וַיַּצֵּא לְבָהָר אֶל סְכִינָה,
בְּתִי, בְּתִי.

4. Песнь пляски

Я косу твою сжав, с силой буду держать.
Я связал тебя прочно с собою.
Силой духа заставлю стонать и рыдать,
Изогнув твоё тело дугою. ¹⁰

Как свет дня, промелькнёт смутно образ мой вдруг,
И ты, в страхе застыв глубоком,
Материнских почувствуешь силу рук,
Словно ветка в руках потока.

Когда в комнате бедной ты стул мой взяла,
Когда пыль с моего ты стираешь стола,
В мелочах ежедневных и ночью поздно
Любовь коршуна кличет и кличет грозно.
Её в целом и в доле любой есть следы,
И, как чудо, редка, и обычней еды.
Дочь, приди! Зарости не может дорога
От коршуна к твоему порогу!
Подойди! Целый день бы смотрел,
Как чепец твой красив, фартук бел,
И спокойны глаза озорные,
Как серебряный шекель, большие...
Подойди! Нет другой, ты – одна.
Подойди! Как, сестра, ты бедна!..
Перед тем, кто страшен
И нищ,
Со свечой горящей
Склонись.

בידי השבות צמתר מסתף,
כ' קשרתי עליך קשך.
בידי המצאות תאנק עוד ותבר
גזרתך הנקשחת כęשר.

פָאֹר-יָם עַבְרָה זָכוּרִי הַעֲוָם
וְבָטָרֵם צָעַקְתִּי – שָׁמִים ! –
וְהַגָּה אֶת כְּבַת בָּזְרוּעָת פָּאמָם,
וְקַעַז בָּזְרוּעָת הַמִּים.

בערבך הגדagog, במדרכה העני,
בידך המנערת אבק שלחני,
בקטנות היומיום ובשנת הבית,
צעקה, צעקה אהבת הקיט.
היא טמונה בשלם ומבקעת בתגן,
ויחידה כמו נס ותדרירה כפת-בג,
וואי, בת ! לעולם אל יצמח השית,
בדרכך בין ובין קעיט !
וואי,וואי ונחץ נא בר,
בשביס ובסניר המטבח,
שעיניך שוטקות מקץ,
שגדלות כשלבי הכסף.
וואי,וואי אחות אין שניה,
בעל המנורה
בחסין,
ומלֵ פִּי נָרָא
ואבון,

¹⁰ Если первая глава книги заканчивается просьбой мертвца о прощении, то вторая – апофеозом ревности, переходящей в экстатическую пляску. Говоря о мертвце, о духе, Альтерман называет его "страшный и нищий" – аллюзия на библейское выражение "Страшный Всевышний" (ТАНАХ, Писания, Книга псалмов, 47, 3) Мертвец как бы вершил суд по велению Всевышнего. Но в данном случае речь идёт о соблюдении заповеди верности принципам и духовным ценностям. (А.Г.)

Чтобы в скорби своей
Был жесток,
Воспевай,
Пока тёмен восток.
Чтоб, как хлеб бы полёг
В суховей,
До косы тебя сжёг,
До костей.

שִׁבְעָר יָגֹן
לַהֲשִׁחִית,
שְׂתָהִי רִינָנוּ
עַד שְׁחִירִת,
וְכָלָת בְּשֶׁרֶב
פְּקָמָה,
כֵּן תְּכִלִּי בְּמִצְרַיִם
עַד צָפוֹה.

Ты отринута, я – покров твой.
Сделай шаг, и объятья открою,
И рыдать будет вместе со мной
Твоё тело, согнувшись дугою.

כִּי גַּתְקַת וְאַנְּי מַעֲטָף,
כִּי נְפֻרָת וְאַשִּׁיב הַקְּשָׁרָה.
כִּי יָדִי הַנָּה שָׁבָו, וְתָבָר
גִּזְרָתָה פְּקָשׁוֹתָה כְּגֶשֶׁר.

"Где ты?" – всюду мой слышишь вопрос,
И душа твоя замерла в счастье,
Как несчастье, к тебе я давно уж прирос,
И знаком много лет, как несчастье.

הַ שְׁמַעַת, הַ שְׁמַעַת בְּקָרָא לְה אֵיה,
וּקְאַשֵּׁר חַבּוֹק וּמַחְבֹּק בָּרָה.
כִּי מַקֵּר אַנְּי לְה וּמַזְעֵד כְּעִינָה,
וְקְמוֹהוּ דַבּוֹק וּמַדְבֹּק בָּרָה.

Бог – свидетель, и ты не могла б отрицать:
Прах мой жив под твоими ногами.
Ложь сумела тебя от меня оторвать,
Но я здесь, это знаем сами.

וְאֱלֹהִים שְׁהִדּוּנוּ, וְאַתְּ מַעַדִּי
כִּי סִי סִי הַעֲפָר לְרַגְלֵיה,
כִּי בְּשֶׁקֶר וּכְחֵשׁ קְרֻעוֹת מַאתִי,
וְאֶמְתָה הוּא שָׁבֵי אֱלֹהִים.

Тёмным вечером в комнате бедной твоей
Путь мой – красная нить от окна до дверей.
И из всех уголков, за стеной любою,
Слышишь, коршун кричит и зовёт с любовью.
Если с ветром, и с бурей приду, и с дождём,
Словно дверь, задрожав, ты откроешь мне дом.
И под шторы полёт от окна до порога
Меж тобою и коршуном ляжет дорога.
Подойди! Целый день бы смотрел,
Как чепец твой красив, фартук бел.
Подойди, глаз твоих нет краше
Под напев парной пляски нашей.

בְּעַרְבָּה הַדָּאוֹג, בְּפַדְרָה קָעִין,
תְּמַצְאֵנִי עֲבֹר כְּמוֹ חֹוט הַשְׁנִי,
בְּפַדְחָת מַכְלִיל זִיוֹת הַבַּיִת,
צָעַקה, צָעַקה אַהֲבַת הַעֵיט.
בְּפַמְטָר אָמֵן אַבּוֹא וּבְסָפָה סָפָה,
פְּדַלְתָּה רַחֲפָה לִי בִּימֵי הַיּוֹתָה,
דְּלַתָּה וּכְמַעַופָּה וְלִלוֹנִי הַבַּיִת,
בְּדַרְךָ בִּנָה וּבֵין קָעִיט.
הָאִי, בָּאִי וְנַמְזֵד נָא בָר,
בְּשָׁבִיס וּבְסָנֶר הַמְּטַבֵּח,
בְּחִידָות וּתְמָהָן עִינִים,
בְּרִנְעָן מְחוֹלָת הַשְׁנִים.

Подойди! Нет другой, ты – одна.
 Подойди! Как, сестра, ты бедна!..
 И направь свечу свою
 В ночь,
 Чтоб я видел красу твою,
 Дочь.
 Она, дом освещая,
 Горит
 И, свечою сгорая,
 Царит.
 Скорбь её будет бить
 Без конца
 И живого слепить
 Мертвца.

Я – свидетель, не смей отрицать:
 По живому ступаешь ногами.
 Ложь сумела тебя оторвать,
 Но я здесь, это знаем сами.

בָּאוּ, בָּאוּ אֶחָת אֵין שְׁנִיה,
 בָּאוּ, בָּאוּ אֶחָת עֲנִיה,
 תַּאֲירֶךָ הַמְּנוֹרָה
 וְשָׁאָפְתַּי
 אֶת חַנְגָּר הַפּוֹרָא
 פְּאָבִיב.
 אֶת חַנְגָּר הַקְּרָב
 וְחַלְגָּה
 מְשֻׁפָּע וְחַרְבָּ
 וְמַולָּה.
 וּמְכָה עַל פָּנִי
 כְּמַסְפָּד,
 וּמְסָפָא אֶזְתִּי חַי,
 וְאָבֶד !

כִּי נְשַׁבְּעָתִי וְאֶת מַעַדִּי,
 כִּי עַל חַי אֶת מַצְגָּת רַגְלִיה,
 כִּי בְּשַׁקָּר קְרוּעוֹ מַאֲתִי,
 וְאֶמְתָּה הוּא שׁוֹבֵי אַלְיָה.

Глава 3

1. Бубен

В будни большая улица бьёт
 В бубны большие весь день напролёт. ¹¹

Кончилось лето, черёд за зимой –
 Улица в бубен колотит большой.

Старость уходит, а юность цветёт –
 Улица в бубен без устали бьёт.

Толпы служанок и отблеск костров

הַרְחֹב הַגָּדוֹל בְּטַבּוֹר הַגָּדוֹל
 טַפְחָ, טַפְחָ כָּל יְמֹת הַחַל.

חַרְף הָגַע וְקִיצֵּן בְּלָגָה
 וְהַרְחֹב בְּטַבּוֹר טַפְחָ.

עַלְמֹת וְשָׂוקִים פְּרָחוּ פָּרָם,
 וְהַרְחֹב בְּטַבּוֹר לֹא קָדֵל מַטְפָּחָ.

אֶת שְׁפָעָת נְעִרִיו, אֶמְהָרָתִי וְאוֹרָו,

¹¹ В Мишне и Гемаре, трактующих Талмуд, говорится, что большими бубнами пользовались и профессиональные плакальщицы.

Гулом мне бубен напомнить готов.

על מהלך עד דמදום טנפורה.

*

Где вы, те бубны? И улицы нет.
Где вы, те будни? Где зимы тех лет?

אי אתה, רחובי, טנפורי הגדול?
איך איכם ימאות החול?

Даже следа не осталось тех дней.
Лето, зима ли, ты бей, бубен, бей!

אנָה חֲרֵף הַגַּיִעַ? אֵי קְיַץ פְּלַגַּה?
עַל קְיַץ וְחֲרֵף לִי בָהּ, טַנְפּוֹרָה, בָהּ!

Девушки, что расцветали в те дни,
Как далеки нынче, бубен, они!

על שְׁקִים וְנָעָרֹת שְׁפָרְחוּ פֶּרֶם,
על כל אלה, טנפורה, בה לִי, בה בְּכֶם!

Были бедны мы, нельзя быть бедней,
Но не забудется радость тех дней.

הָן מְאוּם לֹא בָהּ לִנוּ, כָל מְאוּם.
 רק שמחה ששמחנו, לעד לא תנומ.

2. Пришелец помнит своих друзей

И стоял против друга друг,
Но исчезло лицо пред ним,
Потому что три камня вдруг
Стали памятником одним.

ב. הַזָּר זָכֵר אֶת רַעַי

Ведь давно было ясно мне:
Там, где нет костра и свечей,
Под тремя камнями во тьме
Буду памятью жить друзей.

עַמְדָנוּ פְנִים אֶל פְנִים
עַד נִמְגּוּ פְנִים קָאָד.
יַעֲן בָאָו שְׁלַש אֶבֶנִים
וְתַהְיִין לְאָסָד גָל-עַד.

Встану ночью среди могил,
Камень с облаком видят меня,
Но не город я вспомню, где жил,¹²
Лишь друзей своих имена.

בְּיַדְעַתִּי אֲנִי מַרְאֵשׁ,
כִּי בָאָרֶץ בָּלִי נִיר וְאַיִר,
תִּחְתַּת גָל אֶבֶנִים שְׁלַש
עַם זָכוֹרְןִי הַרְעִים אֲגֹאָה.

Кто тут грудой камней отмечен?

אֲקָן בְּקֹומי פְּלִיל,
וּרְקָאָן וְעַב רָאֵי,
לֹא זָכַרְתִּי שֵם עִיר וְתַל,
אֲךָ זָכַרְתִּי אֶת שְׁמוֹת רַעַי.

מי זֶה נִח תִּחְתַּת גָל פְּרֻעָ ?

¹² В оригинале "не город, не холм" (Тель-Авив в переводе "холм весны")

Тот, кто в дружбе был камня крепче.
Почему средь мёртвых без друга?
Болен он неживых недугом.
Нет недуга того страшней,
И о нем молчал средь друзей.
Но друзья знали всё наперёд:
Никогда он других не найдёт.
Кто тут грудой камней отмечен?
Тот, кто в дружбе был камня крепче.

Ты безмолвна, земля могил.
Не велишь по камню стучать,
Но во мне, хоть лицо прикрыл,
Продолжал их голос звучать.

Скалит дружба волчицей пасть.
Чем её успокою я?
Ведь живых скромнейшую страсть
Нечем здесь насытить, друзья.

И молчанье вселенной всей
Морем слов наполнилось вдруг.
Боже, дай увидеть друзей,
Гору сбрось с неподвижных рук!

Кто встаёт из-под камня ночью?
Тот, кто в дружбе был камнем прочным.
И к кому он теперь устремлён?
О Господь, лишь друзей ищет он.
Их по имени может назвать
И на пальцах руки сосчитать.
Тонкой нитью к ним сердцем влеком,
И их дружба висит ни на чём...
Кто встаёт из-под камня ночью?
Тот, кто в дружбе был камнем прочным.

אִישׁ רְעִים לַהֲתֹרֹעַ.
לָמָה נָח וִינְדָה מִמְתִים ?
כִּי פָלה אֶת חָלֵי הַמִּתִּים.
וּמְזַק הַחָלֵי נָרְב
וְלֹא סָר בְּעֵדוֹ מַרְעֵי.
וְגַם הַמָּה יְדֻעָה : עַד עַזְלָם
לֹא יְהִיו לְרָעִים מַלְבָּדָם.
מַיְ זָה נָח תִּמְתַח גֵּל כּוֹרָע ?
אִישׁ רְעִים לַהֲתֹרֹעַ.

אַדְמָה אֶת מְשַׁלְכָת הָס.
אֶת צִבְת לְדוֹפְקִים חָדָל.
אֶך אָנָי עַל פְנֵי אַכְס,
וְרָעֵי בֵּי כְּקוֹל גָּדוֹל.

הַרְעוֹת זָאָה, זָאָה,
הַרְגִּיעָה לֹא אָוכֵל אָפֵן.
פֶּה הַרְחִיבָה לֹאֵין שְׁבָעה
פָּצְנָעָה בְּתִשְׁוֹקָת הַחַי.

בְּאַלְמָה בְּחַשְׁקֵי תְּבֵל,
אִיר לְפָטָע מְלָאָה דָבָרִים ?
אֶל רָעֵי אֹתִי, יְהָ, הוֹבֵל,
יְהָ הַסָּר מַעְלֵי הָרִים !

מַי עַלְהָ מַתְחָר גֵּל כּוֹרָע ?
אִישׁ רְעִים לַהֲתֹרֹעַ.
מַה הַקִּיצֵּן אֶל מַי זָה יְרָעֵב ?
אֶל רָעֵי, אָדוֹנִי, אֶל רָעֵי.
אֶל רָעֵי הַזְּכוּרִים אֹתָן בָּאוֹת,
הַסְּפּוּרִים לוֹ עַל אַצְבָּעָת,
הַמְּפּוֹשָׁכִים אֶת לְבוֹ בְּנִימָה,
הַתְּזַלְּלִים לוֹ רְעוֹת עַל בְּלִימָה...
מַי עַלְהָ מַתְחָר גֵּל כּוֹרָע ?
אִישׁ רְעִים לַהֲתֹרֹעַ.

Нам любовь отцов – тяжкий груз,
Жён любовь на крови стоит.
Дружба как плетёт путы уз?
Что за чувство, где корень скрыт?

Нам её потерять нельзя,
И на нас её знак клеймом.
Знак союза. Да будут друзья,
Туча в небе и почвы ком!

С вами радость я буду делить.
Полечу к вам, случись беда.
Мне, друзья, не дайте остыть.
Дружба, не остытай никогда!

Из-под камня кто молвил слово?
Он, для друга на все готовый.
А друзья что сказали в ответ?
Вот слова, что сказали в ответ:
"Не смогли разделить нас года,
Не смогли и зависть с бедой.
Не разделит нас никогда
Холм камней, что срослись над тобой".
И сказал: "И беда не беда мне!"
Тот, кто в дружбе был крепче камня.

3. Прогулка на ветру

Ветер в поле помчится, траву теребя.
Закричу: "Ветер, ветер снаружи!"
И тогда наша радость проснётся, друзья,
И по ветру наш хохот закружит.

Напрягу свои чувства, как лучник свой лук,
Вы без слов их поймёте в минуту –

מִרְאָה אֶחָדַת אֲבֹת,
עַקְבָּה אֶחָדַת אֲשָׁה.
אֲגָרָוָת אֵיר טוֹתָה עֲבֹת ?
מַה חֹשֶׁבֶת וְאֵי שְׁרָשָׁה ?

פְּצִילָה מִשְׁד, רַעַי,
בְּבָשָׂרָכֶם אֲוֹתָה שִׁמוֹ צָרָב.
אֲוֹת וּבְרִית הֵיא וְחַי רֹאֵי,
חַי קָרְגָּב וְחַי פָּעָב.

בְּגִלְכָּם וְתַגְלִיל תְּהֻמָּי
וּבְצָרָא לְלִיכָּם אֲעוּט.
אֲלַתְּפָתָנָה לִי, רַעַי, דָמָי.
אֲלַתְּפָנִיחַי לִי אַתָּה, רְעוּת.

מֵי דִּבְרָמָתָךְ גָּל כּוֹרָע ?
אִישׁ רְעוּם לְהַתְּרוּעָע.
מַה עֲנוּ לִי רַעַי, מַה אָמָרוּ ?
זָאת עֲנוּ לִי רַעַי, זָאת אָמָרוּ :
לֹא הַפְּרִידָה בְּיַיְינָה שְׁנָים,
לֹא הַפְּרִידָה קְנָאָה זָאִיד,
לֹא יַפְּרִידָה שֶׁלַשׁ אֲבָנִים
שְׁפִיּוֹ לְאָפָד גָּל-עָד.
מֵי שָׁמָח תַּחַת גָּל כּוֹרָע ?
אִישׁ רְעוּם לְהַתְּרוּעָע.

ג. הטוּיָול בְּרוּחַ

רוֹם יְהִי בְּיַרְק וְהַלָּה עַל רְחוֹק
וְקָרָא בְּחֹצֶת רוֹם חֹם !
עוֹד תַּלְגֵה שְׁמַפְתָּנוּ הַלָּה וְצַחַק
וְעַלְהָ צְהַלְנוּ מְרוֹת.

וְדַרְכַּתִּי חֹשֵׁי כָּמוֹ דָרְךָ הַקְשָׁת
וְשַׁלְחָתִים וְשִׁמְעוּ לִי בְּלִי אָמָר.

Чувства, чувства без имени являются вдруг,
Разрывая материю путы.

החוֹשִׁים, החוֹשִׁים, מַלְבִּישֵׁי הַמְּפַשֶּׁט,
וְקָרְעִי לְבוֹשֵׁי שֵׁל הַחֲמָר !

И коснусь я, друзья, ваших согнутых спин,
Закричу: "Ветер, ветер снаружи!"
Подмигну, и, когда засмеётся один,
Смех наш общий по ветру закружит.

ונגעתי, רע', בגבכם השפוף
וקרא בחוצות רום, רום !
והבטתי בכם במצמוץ ועפער
ושלה קול צחוקנו מרום.

Вспомним ссор наших прежних и шуток накал,
И слова – что всерьёз, что впустую,
И раздор (он, как кот, иногда пробегал),
Нашу дружбу тех лет непростую.

זכרנו, רעים, עת רגשות והתול
ומלים של ממוש ושל הבל.
ומריבות שעברו כעבור הפתול,
ושנים שקשרונו בבל.

Каждый был не как все, сам себе голова,
Но прощали не раз и немало
Ради дружбы, что в равенстве только жива
И на разнице вкусов мужала.

והיינו טבויים איש במומ צבינו
וילחנו אותו מדי פעם,
ברעות, מהיה על עקר-שיינן
יעקר-הבדלי של הטעם.

Вспомним всё, что видали – вразброс и подряд,
Вспомним ту, что любили когда-то.
Как тайник ювелира, темнел её взгляд,
Но блестел, обещаньем богатый.

מראות עד נזפור, נקטים ורצויפים,
ועלמה שאהנו ברэм.
שאפל מבטה כמו שוק הארכיפים
וכמויה: נאץ ורב-רэм.

Мы по-доброму вспомним всё это, не зло.
Даже зло мы припомним без злобы.
То, что было, то было, что было – прошло
Или быть так, как помним, могло бы.

זכרנו כל אלה לטוב לא לרע,
וקרע לטובה נזכרנו.
ובזכרנו לאמור : גם היה, גם קרה,
גם עבר וחלף ואיננו.

Я коснусь вас ещё раз спиной иль плечом,
Если ветер начнёт вдруг буйнить.
Мы, друзья, поглядим друг на друга ещё.
Как в скрижаль, вы мне врезаны в память.

רק אגע בכם עוד, אם בגב או כתף,
עת פאץ, בחוצות מלאה רום.
עוד נגיט זה זהה, עוד הבט ועפער...
חרותים לי אעתם על לום.

Глава 4

1. Сказ о глупом и мудром

Ещё будут судить - рассуждать,
Старый сказ повторяя не наспех,
Как смогла глупость притчею стать,
И как мудрость подняли на смех.

Скажут: В день, когда враг подступил,
Мудрый хитростью ум заострил.
Для глупца глупость - помощь давно,
Но обоих постигло одно. ¹³

Как щадит солнце путника в поле,
Мудрость мудрых щадит в горькой доле.
И решил мудрый: "Буду умнее,
Я с врагом поладить сумею.
Я с приветом приму,
Приоткрою суму.
Как дурак, стану жить
И, как глупый, мудрить.
...Но, как он, покорился судьбе я".

Как голубка птенцов прикрывает,
Глупость глупых своих защищает.
"Я сдурил". - Дурачок признался. -
"Когда враг подступил, опасался,
Взвесил с разных сторон
И решил: это – сон.
Лёг в кровать и застыл.
Я, как мудрый, сглушил
...И среди мудрецов оказался".

א. מקרה הכספי והחכם

איש את אחיו עד ישאל,
גם שירה עד תנג'יד ישנה,
על כסילות שקייתה למשל
וחכמה שקייתה לשנייה.

והגד: ביום צר אשר קם
הערים החכם יחכם,
ולפסיל הכספיות נתנה זד,
וינקוטם נמזהה באחד.

כחון החהמה את רחומיה,
חוינה החהמה את חכמיה.
ויאמר החכם: חכמתי,
ואראה כי בצר, ולא נמותי.
ואיר לו פני
ואתני חשבוני
אבלח ואסכל
ו�팠 פמו כסיל,
וקמו להוציא תמתתי.

כגון הייתה על גוזלה,
ಗוינה הכספיות על כסיל.
ויאמר הפסיל: נאלתי,
ואראה כי בצר והתמלחת.
ואשקל במלח
ואבן כי חלום.
ואשכוב ואחם
ו�팠 חכם,
ובקפל חכמים נפלתי.

¹³ "И увидел я, что есть преимущество у мудрости перед глупостью – такое же , как преимущество света перед тьмою. Глаза мудреца – в его голове, а глупый ходит во тьме. Но и то я узнал, что единственная участь постигнет всех их". (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 2, 13-14).

Ещё будут судить - рассуждать,
Старый сказ повторяя при всех,
Как смогла наша жизнь притчей стать
И как смерть наша вызвала смех.

И, как солнца пощада не вечна,
Мудрость мудрых погубит, конечно.
Как голубка оплачет птенца,
Глупость тоже оплачет глупца.

Пусть живой, если жив будет, вспомнит не раз,
Чем о глупом и мудром закончился сказ.

2. Куда девать стыд?

Есть выжить шанс живым, и может полегчать
Забытым... но вопрос: куда нам стыд девать?

Приблизься, мой позор, твою лирой буду.
Как другом юности ты был мне, не забуду,
Когда, как язва, в плоть мою проникнуть смог,
И как со мной старел и в гроб со мною лёг.

Стыд нищеты! Наряд изношенный на мне
Не скрою от тебя и под землёй во тьме.
И стыд спины – над ней я власть ударам дал,
Не скрыться от него мне ни в какой подвал.
Стыд страха, слабость рук беспомощных и речь –
Ложь, лесть, мольбы – и всё, чтоб шкуру уберечь.
И стыд обид, что нам написан на роду
И, что всего страшней, привычка ко стыду...
Ты – плод моих трудов и дом на склоне дней,
Всей моей жизни стыд и смерти стыд моей.
Но и став прахом я
Не скроюсь от тебя.

איש את אחיו עד ישאל,
גם שירה עוד תגד ישנה,
וחשנו והיו למושל
ומותנו היה לשינה.

ככלות הסופה את רחומיה,
כלתה הוכמה את חכמיה.
בקון על גזילך היונה,
הכטילות עלי כסילך קוננה.

אם יחיה הם והתנופם,
זכור איך פמו כסיל וגם חכם.

ב. לאן נוליך את החרפה

לנשכים ורוח. ולטמים ורפא.
אבל לאן מוליך את החרפה ?

תקרב נא חרפתי. אהיה לך כנראה.
اذכור ואף אזכיר לה חסד נועריה.
לכחה אחריו פרואה נגען בכל ימור.
וזקנמה אתי, ורצת שכינו בור.

חרפת עני, מרא, בגדי אשר בלה –
לא אurther ממך הארץ אפה.
חרפת גוי אשר נתתי למיכים –
לא אחבא ממך בימים עמוקים.
חרפת פחד ורפות זו לאין עזר,
ושקר ותפנוי וחנוף بعد עז,
זכר עלבונים על בן ובני בניים,
ומחק החר gal עם בשית הפנים --
חרפת כי בית, חרפת מותי בית,
בת יגעי בית, ונמת בית כי בית.
כי בעפר אבא,
אין ממך מחבוא.

בִּיאֹר אֲצָלֶל כְּמַטִּיל,
וְאֵין מִמֶּה מֵצִיל.

Хоть камнем в реку, нам
Спасенья нет и там.

И потому без сна на страже я лежу
И, вспомнив беды все и стыд, я так скажу:

Есть выжить шанс живым, и может полегчать
Забытым... Будут вновь они весну встречать,
Но вот вопрос: куда, куда нам стыд девать?

Ты братьев тысячи, позор, клеймом клеймишь,
В их спины плёткой вбит и в их рубцах гориши!
За глупостью сует идут – слепцы – всегда.
Укрой их, чтоб никто не видел их стыда!

И сильные, что на смех выставят себя,
Не скроются в глуби трясины от тебя.

И тем, кто в миску супа скрылся с головой,
В похлёбке от тебя стыд не упрятать свой.
И стыд тем мудрецам, кто ложь не распознал,
Тем, кому нет числа, но кто добычей стал,
Кто скончен без труда, угрозе уступил!
Позор, ты сыт уже? Ты жажду утолил?
Ты – наших жизней стыд и наших стыд смертей,
Ты украшаешь нас и ты могил верней.
Когда ж не станет дня
И сгинет тень твоя?
Где голову склонить,
Чтоб ты не стал давить?

И потому лежим на страже мы без сна
И скажем, вспомнив всё, чем жизнь была полна:

Есть выжить шанс живым, и может полегчать
Забытым... Будут вновь они весну встречать,

על כן דָּרוֹה דָּרוֹה אֲשָׁכֵב עַל הַמְּשֻׁמָּר,
וגם אַזְפֹּר כֵּל אֱלֹה וְקִזְאָת נָמֵר :

לְנַשְׁפְּחִים יְרוּחָם. וְלִתְמִימִם יְרָפָא.
וְאֶרֶץ עַד פְּחָלִיף קִיצָּה וְגַם חִרְפָּה.
אֲבָל לְאָנוּ מַולְךָ אֶת הַחִרְפָּה ?

חִרְפָּה, על רְבָבות אֲחִים הַגָּר מַוקְעֵת !
בְּצָלְקָתָם בְּעַרְתָּת וְעַל גְּבַם פְּמָה אַת !
כִּי הַבְּלִים סְמָאִים ! כִּי אַוְיִלִים רְמֻומִים !
כִּסְיָאָמִים חִרְפָּה ! אַל יָזְדַע מְאוּם !

חִרְפָּת הַפְּזַקִּים אֲשֶׁר קַיְוֹ לְצַחַק –
לֹא נִסְתַּר מִמֶּה בְּטִיטִיְעָן עַמְּקָה !

חִרְפָּת כּוּבְשִׁי רָאִישִׁם בְּבָשָׂר הַפְּרוֹזִים –
לֹא נִחְבָּא מִמֶּה בְּמִים אֲרוֹרִים !
חִרְפָּת הַחֲקָמִים אֲשֶׁר הַלְּכוֹ שְׁוֹלָל,
חִרְפָּת רְבִים כִּים אֲשֶׁר נְפָלוּ שְׁלָל,
קְצָצִים בְּאָפָס-יְגָע וּבְהָרָם שְׁרָבִיט - -
חִרְפָּה, האם שְׁבָעָת ? חִרְפָּה, האם רִוִּית ?
חִרְפָּת חִינּוּ אַת, חִרְפָּת מַוְתָּנוּ אַת,
כְּלִיל עֲדִינָה אַת וְנִתְתַּקְרְנוּ אַת.
מַתִּי יָגַע לִיל
ולֹא נְرָאָךְ כָּאֵל ?
אַיִּפה נְפִיחָ רָאֵש ?
ולֹא קְשֹׁׁופִי רָאֵש ?

על כן דָּרוֹכִים דָּרוֹכִים נְשָׁכֵב עַל הַמְּשֻׁמָּר,
וגם נְזֹפּר כֵּל אֱלֹה וְקִזְאָת נָמֵר :

לְנַשְׁפְּחִים יְרוּחָם. וְלִתְמִימִם יְרָפָא.
וְאֶרֶץ עַד פְּחָלִיף קִיצָּה וְגַם חִרְפָּה.

И будут вновь скорбеть и свадьбы вновь играть,
Но вот вопрос: куда, куда нам стыд девать?

3. Предатель

- Мы дух испустили. - Промолвили павшие.
- Без сил мы остались. – Шепнули ослабшие.
Но тот, кто виновен был, промолчал,
И тот, кто предал, не сказал: "Предал".

Достиг края поля предатель-беглец.
Шлёт камень в него не живой, а мертвей.

Он замер на миг,
И камень настиг.
Повернул лицо –
И камень в лицо.
Вскричал предавший: Кто в поле со мной?
Ответил метнувший: Я в поле с тобой.

И предатель сказал: Возвратись на покой!
Бог праведен был, суд верша над тобой.

Когда за стеной взвывали, крича,
Стыдливо молчал ты без сил.
В муках корчился брат твой в руках палача,
Ты ж руками уши закрыл.

Ты семь раз предал, опозорив отца.
Рот раскрыл, моего не стесняясь лица.
Ты мне страшен, я бледен и начал дрожать,
От тебя я хочу на край поля бежать.

Кто скажет: безгрешным пропал я?
Кто скажет: не дрогнув, упал я?
Виновный шепнёт: "Я в ответе!"

וְתִמְלָא קֹול אַבְלָן וְנֶגֶינּוֹת חֲפָה.
אַבְלָן לֹא נֹלֵךְ אֶת הַחֲרֵפָה ?

ג. הבודג

אָמָרוּ הַפְּלִילִים : לְגֹעַע תְּמִנָּנוּ.
אָמָרוּ הַכְּשָׁלִילִים : אָבֵד אַבְדָּנוּ.
אָמָרוּ אַשְׁמִים לֹא אָמָרָה : אַשְׁמָנוּ,
אַבְלָן הַבּוֹגְדִים לֹא אָמָרָה : בָּגְדָנוּ.

הַגָּה הַבּוֹגֵד רַץ בְּפִאַת הַשְּׁדָה.
לֹא חַי כִּי הַמִּתְ בָּוּ הָאָבֵן יָדָה.

וְרַץ לְרִיק
וְהָאָבֵן פְּדִיבֵיק.
וְהַפְּגַע אֶת פְּנֵיו
וְהַכָּה עַל פְּנֵיו.
וְצַעַק הַבּוֹגֵד : מַי בְּשָׁדָה ?
וְעַנְהָה הַסּוֹקֵל : אַנְיִ בְּשָׁדָה.

וְאָמָר הַבּוֹגֵד : שָׁוְבָה, מַת, לְמַנוֹּפְתָּח.
כִּי צַדִּיק אָדוֹןִי עַל כָּל הַבָּא עַלְיָה.

כִּי צַעַק עַלְהָה מָקִיר
וְעַתָּה שְׁתַקְתָּה עַד בָּשׂ.
כִּי עַנוּ אֶת אֲחִיךְ מַעֲבָר לְקִיר
וְעַתָּה כְּבָשָׂתְ רָאשָׁ.

וְשַׁבַּע בְּגַדְתָּה, כְּלִימַת אָבִיךְ,
הַגָּה לְיִרְאָנִי הַרְחַבְתָּה פִּיךְ,
וְאַנוֹת מְפִינִיךְ לְפִאַת הַשְּׁדָה,
וְפִנִּי יַרְדִּים דָם, מְפִיחִידִי בְּשָׁדָה.

מַי יָאמֶר : חַף מְפַשֵּׁעַ תִּמְתַּחֵת ?
מַי יָאמֶר : עַל לֹא חַטָּא אַבְדָּתִי ?
וְאָמָר הָאָשָׁם : אַשְׁמָתִי,

"Я предал! - предатель ответит. -

יאמר הַבּוֹגֶד : בְּגָדָתִי.

Я долг свой забыл, не исполнил.
И слова со страха не молвил".

יאמר הַבּוֹגֶד : בְּגָדָתִי.
ואירא, וְדַבָּר לֹא הָגָדָתִי.

Глава 5

1. Песнь упокоения

Ты в тревоге сейчас, но придут времена:
Вечер упокоения ждёт нас, жена!

Ты откроешь окно. Вся – покой, не узнать!
Люльки ветер начнёт и висящих качать.
Скажет ветер: "Привет, вожаки и стада!"
Запоёт хор девичий песнь скорби тогда:
"Заплетаем мы косы, утих ветерок.
Как сегодняшний вечер хорош, видит Бог.
Мы померкнем с вечером вместе,
Но пока продолжаем песню".

Ты в тревоге и в горе, но видеть должна:
Вечер упокоения ждёт нас, жена.

Мы гадаем без слов: кто покой обретёт,
Кто растерзан умрёт, кого пламя сожжёт,
Кто окажется вдруг одинок, о судьбе
Не решаясь от страха сказать сам себе.
Но рассеялся в мыслях твоих мрак тревог.
Как сегодняшний вечер хорош, видит Бог.
Вместе с вечером меркнем мы тоже,
И уже мы на ночь похожи.

Не ждала. Не молила. Но видеть должна:
Вечер упокоения ждёт нас, жена.

ה

א. שיר של מנוחות

לא שלות ולא נחתה. אך כתעת פיה
עד נכו לנו ערב מנוחות, רעה.

ופתחת חלונך ורגעת בו פלאים,
וקרים פנעם ערישות ותליים,
וכרים תאמר: בני צאי זאיל,
ונשות תטמךנה את שיר אללי,
וזמרנו נערות: צמותינו קלעים,
וקערב עלינו יפה לאלהים,
והנה כמו ערב חשכנו,
והנה מזמירות אנקנו.

רבו צער וריגז. אך את הרואה,
כי נכו לנו ערב מנוחות, רעה.

והרברתו דוםם: מי באש יצראף
ומי ישקט, בת,DMI יטרף,
ומי ישאר לבגד, זאוי
לא תקום בו גם רוח לומר אללי.
והנה הרהוריין רוגעים ואליעים
וקערב עלינו יפה לאלהים,
והנה כמו ערב חשכנו,
והנה חשים אנקנו.

לא פלאת. לא חכית. אבל את הרואה,
כי נכו לנו ערב מנוחות, רעה.

И коснётся тебя молча Радость слегка,
И уже поседел завиток у виска.
Будешь счастлива ты, словно ночь, побледнев,
Та, в которой лишь месяц и скорбный напев.
Скажешь: "Муж мой в лохмотьях ступил на порог.
Я любимому мужу жена, видит Бог.
Посмотрю и покроюсь тьмою.
Зубы стисну, не вскрикну, не взвою".

ונגעה בך בְּלִי קֹול הַשְׁמֶךָ הַרְקָה,
וְהַלְבִּין הַשְׁעֵר הַעֲזֵר לַרְקָה,
וְאֲשֶׁר יָגַע וְחֹרֶת כְּלִילִי
בְּהַלְרָה בְּמַרְתָּם וְשִׁיר אַלְלִי.
דְּבָרָת : זֶה דָּזִי קָעוֹלָה בְּבָלוֹאִים
וְאַנְּיָ לֹא אָשְׁתָּו הַיְפָה לְאֱלֹהִים,
וְאַרְאָה אֶת פָּנָיו וְחַשְׁכָּתִי,
וְלֹא אָבָה, כִּי שְׁפָטִי נְשַׁכְּתִי.

2. Когда видящих скроет тьма

Когда тьма коснётся их глаза,
Все их беды сотрутся разом.
Когда видящий видеть не будет,
Все несчастья сразу забудет. ¹⁴
Мы придём – никого не боимся.
Успокоимся, осветимся.
Поведём речи тайные страшно
О земле необъятной прекрасной.
И числом мы – песок в пустыне.
Праху нашему – мир отныне.

И, чем кладбища будут краше,
Легче беды забудутся наши.
Мы, нежданные, жаждем покоя,
И сердца прорастут травою.
Мы смешаемся с известью, с солью,
И прступим из яблока доли.
И забудем чему нет забвенья,
И простим всё, чему нет прощенья.
Когда топчущий скажет: ступаю!
То ответит наш прах: прощаю.

ב. כאשר הרואות תחשכה

כְּאֲשֶׁר הַרְאֹות תִּחְשְׁכָה.
כָּל הַרְעָוֹת תִּשְׁכַּחַנָּה,
כָּל הַרְעָוֹת תִּמְחִינָה,
כְּאֲשֶׁר הַרְאֹות לֹא תְּرַאַנָה
וּבָאָנוּ אֲשֶׁר לֹא יָגַרְתָּ
וְשַׁלְּוֹנוּ וְנַחֲנוּ וְאָרְנוּ.
וְעַל אָרֶץ רְבָה נִמְתִּיק שִׁיטָה.
וְקַזְלָנוּ שְׁפָל מִסּוֹד-שִׁיטָה.
וְקַיָּה כְּמוֹ חֹל מִסְפָּרָנוּ.
וְקַיָּה שְׁלָום לְעַפְרָנוּ.

כְּאֲשֶׁר חֲצִירָמֹת תִּפְרַחַנָה,
כָּל הַרְעָוֹת תִּשְׁכַּחַנָה.
וּבָאָנוּ אֲשֶׁר לֹא נַבְּאָנוּ
וְחוֹזֵיקָנוּ דְשָׂאִים עַל לְבָנוּ.
וּבְסִיד נִתְעַרְבָּן וּבְמַלְחָה
וּבְתִּפְאָה בֵּין פָּלָח לְפָלָח
וּבְשִׁיכָח אֲשֶׁר אֵין לְשִׁיכָח,
וּבְסִלחָן לְאֲשֶׁר אֵין לְסִלחָן,
וּבְקָרְזָא הַדָּגָר : דְּרַכְתִּי,
וְדָבָר הַעֲפָר : סְלַחְתִּי.

¹⁴ "Мёртвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, так как память о них предана забвению; и любовь их, и ненависть их, и ревность их давно исчезли, и доли нет им более вовеки ни в чём, что делается под солнцем". (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 9, 6)

Как в литавры, мои кости бьются
 Не о видевших, тьмою укрытых:
 Морем слёз мои кости пролются
 О несчастьях, слезами омытых.
 Тогда скажут: "Забудьте про боли!
 Да не будут помянуты боли!
 Жизни – да, - они скажут, - нет – смерти!"
 Скажет так бить готовый до смерти.
 Ты шепнёшь, как вода: "Забудь, гость мой!"
 Как в литавры, ударят кости.

О жена, друг, что всех милее!
 Будет горше день, ночь больнее,
 Но, когда тишина нас укроет,
 Да не вырастет сердце травою!
 В гроздьях, в дольках плодов да не будем,

Не украсим царское блюдо! ¹⁵
 Не забудем чему нет забвенья,
 Не простим то, чему нет прощенья!
 Мы клянёмся, и пусть нас не судят:
 Праху нашему мира не будет.

3. Молитва о мести

Днём, ночью писал кнут, макаясь в кровь,
 А спины упавших листами служили.
 Но сбитый кнутом будет счастлив вновь,
 Коль вернётся он тьмой саранчи и пыли.

¹⁵ Выше было сказано: "И прступим из яблока доли", т.е. на праздничной трапезе победителей прступим соком на дольках яблок. А, может быть, это намёк на участь, ожидающую царя: в ТАНАХе (Пророки, Йеошуа, 12,18) написано, что евреи, вернувшись из египетского рабства на Землю обетованную, по велению свыше перебили царей всех городов, которые им сопротивлялись – Иерихона, Хеврона, Шхема и ...Яблока. Сейчас есть перекрёсток дорог с таким же названием. (А.Г.)

עַצְמֹתִי כּמְצֻלָּתִים הַכְּנָה,
 וְלֹא לְרוֹאֹת כִּי תְּחַשֵּׁבָה.
 עַצְמֹתִי כְּמוֹ מִים בְּכִינָה,
 לְרֹעֲתִי כִּי הַגָּה תְּמִימָה.
 אֶזְ יָמָרוּ : לְרֹעֲתִ אל זָכָר !
 אֶמְרוּ : יְמַחֵ שֵׁם זָכָר !
 אֶמְרוּ : לְמַיִם לֹא לְמַיּוֹת !
 אֶמְרוּ זָאת מַכְה בָּן-הַמּוֹת !
 וְבָדְבָרָה לִי כְּמַיִם : שְׁכָח-נָא,
 עַצְמֹתִי כּמְצֻלָּתִים תְּכָנָה.

רְשִׁיה, רְשִׁיה וְרָע,
 יוֹם יָמֵר עוֹד וְלֹיל וְרָע,
 אֶחָ בְּקוּם הַדְּקָמָה בְּמִסְבָּטָה
 אֶל יְרִיקָן דְּשָׂאִים עַל לְבָנוֹ,
 אֶל נְדוֹם בְּאַשְׁכָּול וּבְפָלָח,

אֶל נְגָא אֶל שְׁלָטָן הַפְּלָה,
 אֶל נְשָׁפֵחָ אֶת אֲשֶׁר אֵין לְשָׁפֹום,
 אֶל נְסָלָח לְאֲשֶׁר אֵין לְסָלָח,
 כִּי נְשָׁבָעָנוּ הַיּוֹם בָּעוֹרָנוּ,
 כִּי שְׁלוֹם לֹא וְהִיא לְעִפְרָנוּ.

ג. תפילה נקם

אֶם לִילָה יוֹם דְּבָר הַשּׁוֹטָה,
 הַגָּהָה כְּתוּב עַל גַּבְיוֹ כְּעַל סְפָר.
 גַּם נְפָל הַנְּפָל, כִּי נְכַרְתָ בְּשֹׁוט,
 אֶחָ אֲשֶׁר הַחֹזֵר כָּאַרְבָּה זָאָפָר.

Мертвецу не страшны ни хулитель, ни льстец.
Палкой выгнанный псом вернётся,
Будет бит, опозорен, враг скажет: "Мертвец",
И глумясь от него отвернётся.

Его гонит, как плетью, страх.
От зажжённой спички бежит
На соломенных он ногах.
Голос рваной бумагой шуршит.

И возвал он: "Прими на себя, Отче, бой!
Посмотри, как смеётся наш враг надо мной.
Не оставь, не шепчи мне: "Лежи, сын, лежи..".
Ты же видишь, обиды горьки и свежи.
Не забудь, что досталось рабу Твоему.
То, что сделали сто, не забудь одному.
Взыщи с них гнев горстки обёрнутых в тлен,
Бог мёртвых, будь благословен!

Рот мой прахом забит, я врагу – для смешка.
Неба стал я старее вдруг вдвое.
Ненависть дай мне серее мешка,
Тяжелей, чем снесли бы двое.

К посрамившим меня неживым выйду я,
Будут полной луной им светить мои моши.
Враг в ущелье и в роще топтал меня,
Буду гнаться за ним и в ущелье, и в роще.

Чтобы из лесу смог лесоруб подтвердить,
Чтоб увидеть могли зверь и гад,
Что не смертью желал Ты раба умертвить,
А чтоб смог саранчой вернуться назад.

Встань! Прими этот бой и веди до конца!
Кровь раба Твоего здесь взывает к Тебе.

כִּי מְסֻפֵּד וְאֶלְוָת לֹא יָכַלְוּ לִמְתָּה.
וּבְמִקְלֹות יָגַר שׁוֹצֵר כְּלָבָב.
כִּי הַכּוֹ גַם חֲרָפוֹ, וְגַיְדוֹ מַתָּה.
וְיִשְׂמוּהוּ לְצַחַק וְקָלָס.

ובמגע היראה יוֹסֵף,
ובבהבוח הגפרור יוֹאָר,
ולכִתּוֹ פְּנַחֲזָה הַקָּשׁ
וְקָלָלָה פְּקָרִיעָת הַפָּרָר.

וְקָלָר וְדָבָר : קָוָם, הָרָב אֶת רַבִּי.
קָוָם, הָרָב אֶת רַבִּי, כִּי צַפֵּק מְחַרְבִּי.
אל תִּטְשַׁנֵּי הַיּוֹם. אל תָּאמַר שָׁכֶב, בָּנִי, שָׁכֶב.
קָוָם וּרָאָה אֶת עַלְבּוֹן עַבְדָּה מִצְרַיִוִי.
אל תִּשְׁכַּח, אל תִּשְׁכַּח אֶת אֲשֶׁר עָשָׂו לוּ
אל תִּשְׁכַּח לְאַחֲד שָׁמָאָה יָכַלְוּ לוּ.
תְּרִיצָה לְפָנֶיךָ חֲמַת מְעֻטִים,
בָּרוּךְ אֱלֹהִי הַמְּמַתִּים.

יעַנְ פִּי בְּעַפֵּר וּמְחַרְבִּי צַפֵּק,
יעַנְ פָּטוּע זָקְנָתִי כִּימִי שְׁמִים,
תַּעֲלֵל שְׁנָאָה אַפּוֹרָה כְּשָׁק,
וְכַבְדָּה מְשַׁאֲתָה בְּשִׁנִּים.

אֶל חֹרֶפִּי הַמִּים אֶלְרָ לְאַ-מִּי,
וְזַרְחַתִּי לְהַם כְּלַבְנָה בְּלֵב חַדְשָׁ
עַל פָּנֵי חֹרֶשׁ וְגַיְא דְּדַפּוֹנִי חָרֵכִי,
וְרַדְפָּתִים גַם בְּגַיָּא גַם בְּחֹרֶשׁ.

וְרָאוּ הַפּוֹרְתִּים בְּעַלְוָת הַפּוֹרָת,
וּמִינְעָר תְּرָאָה הַמִּיהָ,
כִּי אַכְּנָן לֹא חֲפֹצָת בְּמֹתַת הַמִּתָּה,
כִּי אַמְּ בְּשָׁבוּן קָאָרְבָּה וְחִיהָ.

קָוָם, הָרָב אֶת רַבִּי ! מְעַפֵּר, מְכוּכִים,
צַעֲקוּ לְרַדְמִי עַבְדָּךְ הַשְּׁפּוֹכִים,

Отче! Отче, бей! Исполняй долг отца!
 И обидам раба Твоего есть предел.
 Ведь о чём Тебя просит, Всеышний, раб Твой?
 Лишь до горла врагов дотянуться рукой.
 Чтобы дал Ты проникнуть ему в стан врагов
 И во тьме дотянуться до глаз, до зрачков.
 Горечь в сердце его, и он тяжко скорбит,
 Ведь на чёрной земле был он до смерти бит.
 И, заплёван совсем,
 Целый день глух и нем,
 Он не мог пить и есть
 И решил: "Будет месть!"
 Чтоб отпразновать месть, всё отдаст отныне,
 Пусть лишь глазом одним сможет зреть святыни.
 Несказанная радость зальёт его грудь.
 Да не будет приказ Твой: "Прости и забудь!"
 Не забудь, что досталось рабу Твоему.
 То, что сделали сто, не забудь одному.
 Взыщи с них гнев горстки обёрнутых в тлен,
 Бог мёртвых, будь благословен!

4. Заклинание

Он хлеб мой осквернил, жизнь отравил до дна,
 Мне кости раздробил. Он предо мной, взглядишь:
 Хлеб пышен у него, жизнь, как река, полна,
 Костям его нет бед. Явись, Господь, явись!

Явись, Господь, явись! Он предо мной, он здесь.
 Дай мне его живым: я им живой был бит.
 Он полнил чашу бед, им дом разрушен весь.
 Дай мне его живым! Как ненависть горит!

Взял, судей подкупив, что я добыл трудом.
 Сказал: "Пришёл резник!", и я в крови поник.
 И нет ему судьи, плоды труда при нём,

קום, האב ! קום וטהור ! כי על כן אתה אב !
 כי יש קץ לעלבון עבדך מצורו !
 וכי מה יבקש עבדך, אבא רם ?
 רק לשלוות זו אל חלקת צארכם.
 וכי מה במעולם יבקש עבדך ?
 רק בברת אישנות יבקש עבדך,
 כי בבדה תואגתו ולבו עליו מר,
 כי הכוחו צרים על אדמות החומר,
 וישלחו בו רעם,
 ויאמר יש נקם.
 וישימוו אלם,
 ויחרש יום שלם.
 ובחרוג גקמתה כשבת זהדש,
 באחת מיענו לו, יראה בקדש.
 ובבריך שמחתו הגדולה מספר,
 אל תאמר לו : רחם ! אל תקרה לו : כפר !
 אל תשכח, אל תשכח את אשר עשו לו.
 אל תשכח לאחד שמאה יכלו לו.
 תרצה לפניו חמת מעתים,
 ברוך אלהי המתים.

ד. השבעה

שאת לחמי אבר, שאת תי מבר,
 שעצמותי פרר, הנבו לעני !
 ללחמו שמנה מבר, חייו גאו נבר,
 לעצמותי משמר, - הופיע נא אדוני !

הופיע נא אדוני ! הנבו לעני !
 ול' תתנו חי, כי תי אותי ענה !
 מלאה כוס יגוני. מתחם אין במעני.
 ול' תתנו חי, כי צועקה שנה !

שאת שופט שחד, ועמל שחת,
 ויאמר בא שופט, - הנבו על דמי !
 ואין עליו שופט, ועמלו שזקט,

А где найдётся, мать, и на него резник?

ושׁוֹקְטוּ פֶּמֶת, - יִשְׂמַח לִבְבֵ אַמִּי !

Я материю клянусь: он весь в крови моей.
Пусть будет жив пока, ведь им живой я бит.
Молись, мать, чтобы он был цел, живых живей,
Пока не встану. Мой он! Ненависть горит!

ישׂמַח לִבְבֵ אַמִּי ! הָנְהָהוּ עַל דָּמֵי !
חַחָה עַד יוֹם קָוָמִי, כִּי חַי אֲזַמִּי עַבְהָ !
תַּתְפְּלִילִי אַמִּי, נְשָׁלָא יְכֻהּ מַיִּי,
כִּי לִי הוּא בְּקָוָמִי, כִּי צָעַקָּה שְׁנָאָה !

Моих всех братьев он повесил на сухах –
На дубе, на сосне, на липе у пруда.
Работал до темна, до ломоты в руках
И, кончив, он сказал: "Да будет так всегда!"

שְׁאַת אַתִּי תָּלָה עַל אַרְךָ וְאַלָּה
וְעַל תְּרֵזָה שְׁתוֹלָה, - הָנְהָהוּ בֵּין אַחֵי !
וּבְקָר אָזָר עַלְהָ, וְעַרְבָּ שְׁחוֹר כָּלה,
וְהָוָא מְלָאכְתָּוּ כָּלה, וַיָּאָמַר פֶּה לְפִי !

Сказал: "Да будет так!" и среди них стоял
Живой, каким пытал их. И сейчас стоит.
И не сгорел в огне, и в бездну не упал.
Он – мой и братьев всех. Пусть ненависть сгорит!

וַיָּאָמַר כֶּה לְפִי, וְהָוָא עַד בֵּין אַחֵי !
וַיַּקְרִפוּהוּ טַיִּרִים, כִּי חַי אֲזַמִּים עַבְהָ !
וְלֹא בְּבָלָע בְּגַיִּא וּבְאַשׁ מַאֲדוֹן,
כִּי לִי הוּא וְלֹאָם, כִּי חַרְמָם לְשָׁנָאָה !

5. Подполье

Мы живём у всех под ногами,
И над нами толща земная.
Вместо мышц обросли волосами.¹⁶
Нас связала клятва святая.

ה. הַמְּחַתְּרָת

עַמְקִים וְהַזִּים אֲנָחָנוּ.

אָרֶץ רְבָה עַלְינוּ.

עַבְתִּים כִּי שְׁעַר צְמַחֲנוּ.

עַצּוּמִים כִּי שְׁבוּעָה מְלָאנוּ.

אֲדָמָה, אֲדָמָה, אֲדָמָת.

בִּידָנוּ גַּתּוּ קִינָה.

רַק לְאוֹת מְחַקָּה מְחַתְּרָת,

וְפָקָדָה אֶל הַאוֹת עַזָּה.

О земля наша, отчее поле!
Ты оружье хранила для нас.
Знака лишь ожидает подполье,
Ни на миг не смыкая глаз.¹⁷

¹⁶ Намёк на библейского богатыря Самсона, который потерял свою силу, данную ему свыше с условием никогда не стричь свои волосы. Филистимляне захватили его обманом, лишили волос и ослепили. Но, по мере того, как волосы его отрастали, сила возвращалась к нему, и он смог обрушить храм на головы врагов. (ТАНАХ, Пророки, Судьи, 16, 19-31). У мёртвых волосы продолжают расти. То, что речь идёт о мёртвых, ясно из предыдущих стихотворений.

¹⁷ Альтерман удивительно точно предвидит ситуацию восстания евреев в Варшаве в 1943г., где фашисты сначала лишили евреев всего имущества и прав, загнав в гетто, затем осадили его с целью поголовного истребления всех жителей. В это время в гетто сформировалось подполье для борьбы с немцами – без каких-либо шансов на успех, но с намерением умереть в бою. Одна из руководителей восстания, Цивья Любеткина, осталась в живых и после войны жила в Израиле. Она рассказывала: "Была большая радость, и не важно, что будет потом!" Это стихотворение нет нужды

Братья, братья родные, каждый,
В ком душа жива после мук,
Братья, братья родные, каждый,
У кого целы пальцы рук,
Готовьтесь, готовьтесь, внимая,
Боевой клич ворвётся, взывая,
Отзовётся во рту вкусом терпким,
И тростник станет лесом крепким.
Клича грозного с хрипом до боли
Ожидает во тьме подполье.

И, куда бы ни шёл враг, мы видим.
Глаз не сводим, внимания полных.
Ни на миг не теряем из виду.
Так за солнцем следит подсолнух.

Если скрылся за дверью закрытой,
Мы у ног его тенью лежим,
Смертным зельем в стакан залиты
И в ушко иголки глядим.

Братья, братья родные, кто может,
В ком душа жива после мук,
Хоть содрали ремнями кожу,
Пальцы вырвали ног и рук,
Готовьтесь, готовьтесь драться,
Костили отбросив, подняться.
Вы расстанетесь с костылями,
Бог увечных поднимется с вами.
Клича грозного с хрипом до боли
Ожидает во тьме подполье.

בראחים, בראחים, בראחים,
כל אשר נשמה באפיו,
בראחים, בראחים, בראחים,
כל אשר אצבעות לכפיו, -
הכנו, הכו, הכו,
כי לגער גראונט נכוו!
כי נכוו גראונט ליגער!
כי היה האגמון ליער!
כי לאוֹת אָבָק נְחַרָת
מִמֶּה, מִמֶּה מִחְתְּרָת.

באשר יהלך עינינו,
לא נרפא יומם ואמש.
סב טסבנה אחריו עינינו,
כמו סב חפנין עם שמן.

ובחררי חדורי שלחנו,
יצלנו רגלי יעקב,
ובסם ברדום אנחנו,
ובמחלת דקפת הגו.

בראחים, בראחים, בראחים,
כל אשר נשמה באפיו,
אשר דשו אותו בלחים,
אשר אין אצבעות לכפיו, -
הכו, הכו, הכו,
כי קבאים לנשור נכוו,
כי נכוו לנשור קבאים,
כי עליה אל קצוצי פנים,
כי לאוֹת אָבָק נְחַרָת
מִמֶּה, מִמֶּה מִחְתְּרָת.

воспринимать как пророчество: если представить себе попытку вооружённого сопротивления евреев фашистам, она должна была развиваться и заканчиваться именно так.

Мы со многим, что знали, расстались
Ради мысли одной неизменной,
И расскажут детям, как дрались,
Головою тарана стены.

День свободы! Мечты наши зыбки.
Не дождавшись, падём в боях,
Но блеснём белозубой улыбкой,
Как белеют кости в песках.

Братья, братья родные, каждый,
В ком душа жива после мук,
Встанем вместе с Могучим! Однажды
Пальцы вырастут ног и рук!
Готовьтесь, готовьтесь, внимая,
Ибо страх врага пробирает,
Ибо враг дрожать начинает,
Ибо время, как свечка, тает.
Клич ворвётся, как смерч, в город с воли,
И готово к кличу подполье.

בְּרֹבֶת מִחְשָׁבָת שַׁכְּחָנוּ,
וְאַחֲת מִחְשָׁבָה מְלָאנוּ.
וְיֵגֶד לְבָנִים אֵיר גְּחָנוּ
וְרָאשֵׁינוּ פַּיו אִילָנוּ,

יּוֹם חְרוֹת ! אֵם רָחוֹק תַּרְמָק עַד,
אֵם עַל דָּרְגָה רְבָה נְפֹל,
לוֹ אָת לְבָנִים צְחוֹקָג נְצָמָק עַד,
פְּעַצְמָה שִׁירָה בְּחֹל.

ברthers, brothers, brothers,
כל אשר נשמה באפי,
העונים לאזר ! הツומחים
כטמץ אצבעות לכפוי !
הכונו, הכונו, הכונו,
כי לרעד צרים נכונו,
כי נכונו צרים לרעד,
כי בעית כמו נר נגראעת,
כי האות בקע קרתת,
ולאות ממחה מחתרת.

Глава 6

1

а. *Шир сл озот*

Как будто пред смертью, усевшись на сук,
Кричала сова без умолку.
Из рук твоих выпало зеркало вдруг.
И платье порвалось (так в трауре рвут).
Ты села зашить, не уняв дрожи рук,
Но кровью покрылась иголка.

Ты приметам недобрым не верь,
Пусть погаснут в глазах твоих страхи.
Время добрым знаменьям теперь,
Радость вновь постучит в чью-то дверь...

הַלִּילָה צְפּוֹר צַעַק מְרָה,
כְּמוֹ בָּאוֹ נְפֹשָׁו לְקַחְתָּ.
הַלִּילָה פְּרָחָה מִידָּר הַמְּרָאָה,
הַלִּיל קְרִיעַת-מִת שְׁמַלְתָה וְקַרְעָה,
וְתַשְׁבֵּי בְּלַב-רַע לְאַחֲתָה בְּקַרְעָה,
וְהַגָּה עַטְפָה דָם הַמְּחַטָּט.

אל תִשְׁמַי לְבָה לְאַזְוֹת,
אל תִּבְעַר הַיְּרָאָה בְּשִׁינְרָה.
כִּי טֹבָה יְבָשָׂרָה הַאֲזֹות,
כִּי שְׁמַקָּה מִתְדִּפְקָה בְּדַלְתּוֹת,

Все приметы – мучителям знаки.

И если псы, о дочь, завыли здесь,
Наверно, появился ангел здесь,
И если появился ангел здесь,
Оплакан, значит, будет кто-то здесь.

Небеса засияют, дочь.
И глаза засверкают, дочь.
И года пронесутся, дочь.
Будут помнить их долго, дочь.
И знаменья увидят вдруг,
И недаром на небе круг,
Бедняки возликуют вокруг:
Это слышен Радости стук!

Так печальна ты, словно узнала сейчас,
Что ещё раз мне смерть угрожает.
Хоть, как мёртвый, без снов сплю, и свет мой угас,
В страшном сне вдруг почуял последний твой час.
И, очнувшись, я вижу: усмешка у глаз
И иголку кровь покрывает.

Нам понятен язык примет:
Предвещают, что с нами случится.
Ничего в них хорошего нет,
Лишь несчастий нам ждать от примет,
А к мучителям радость стучится.

И если псы, о дочь, завыли здесь,
Наверно, появился ангел здесь,
И если появился ангел здесь,
Подобные тебе погибнут здесь.

Собери свои силы, дочь.
До конца, до могилы, дочь.

כִּי לֹא לְהָם, כִּי אֵם לְמַעֲפָה.

בְּתִי, אֵם קֶלֶבִים בּוֹכִים בָּעֵיר,
בְּלֹא אֹתֶς כִּי מֶלֶךְ עֹבֵר בָּעֵיר.
בְּתִי, אֵם מֶלֶךְ עֹבֵר בָּעֵיר,
בְּלֹא אֹתֶς כִּי מִסְפֵּד יְהִיה בָּעֵיר.

כִּי עִינִים יָאוֹרָה, בָּת,
וְשָׁמִים יָאוֹרָה, בָּת,
וְשָׁנִים יָעוֹבָרוּ, בָּת.
וְאֶת אֶלְהָה יָזְכוּרָה, בָּת.
וְנִרְאָוּ הָאוֹתּוֹת הַגָּדוֹלִים,
וְלֹא שְׂאוּ זְדָבָרוּ הָאוֹתּוֹת,
וְשָׁמְחוּ עֲנִים וְדָלִים,
כִּי שְׁמַחָה מִתְדַּפְקָה בְּדָלָתוֹת,

צָר לִי, צָר עַל רֹוחַ הַמְּרָה,
כְּמוֹ שָׁבֵו נְפָשֵׁי לְקָחָת.
אֲשֶׁר אֵין לִי חִלּוּם, אֲשֶׁר אֵין לִי אֹרֶה,
חִלּוּם-רְעֵה חִלּוּמָתִיר לִי בְּקָצָה הַמְּאוֹרֶה,
אֲקִיעֵץ, וְתָאֹר בַּת-צְחֹזָקָה הַקְּרוּעָה,
וּבְזִדְחָה עַטְפָּה דָם הַמְּחַטֵּט.

כִּי גָּלִילָה הִיא לְשֻׁן הָאוֹתּוֹת,
כִּי הַגָּהָה לְעַיִן וּלְעִינָה.
לֹא טָבָה יְבָשָׁרוּ הָאוֹתּוֹת,
לֹא שְׁמַחָה מִתְדַּפְקָה בְּדָלָתוֹת,
כִּי לֹא לְהָיָה, כִּי אֵם לְמַעֲפָה.

בְּתִי, אֵם קֶלֶבִים בּוֹכִים בָּעֵיר,
בְּלֹא אֹתֶς כִּי מֶלֶךְ עֹבֵר בָּעֵיר.
בְּתִי, אֵם מֶלֶךְ עֹבֵר בָּעֵיר,
בְּלֹא אֹתֶς כִּי כְּנוֹתָ יְסָפֹה בָּעֵיר.

לו כְּתֵפֵיר יְפָנוּ, בָּת,
כִּי רְפֹתָعַד נְכוֹנוּ, בָּת,

Много бед ещё ждёт нас, дочь.
И последний он, знак нам, дочь.
Ты до дна выпьешь чашу потерь.
Наша доля в знаменьях, поверь.
Будь же стойкой, родная, теперь!
Нет, не Радость стучится в дверь.

עד קץ לא יחפּוּ, בת,
ובא אות, ואחרון הוא, בת.
את פָּסְנוּ תִשְׁתַּחֲיוּ וְתִמְצֵי.
זה חֶלְקָנוּ – לשאת באותות.
חִידָה לֵי ! חזק ! ואמצֵי !
לא שְׁמַחָה מִתְדִּפְקָה בְּדִלְתוֹת.

2. Кончина отца

Вот отец твой. В железной кровати. Вокруг
Темень ночи. Ты возле него.
Крепок он, как железо. Не вытянет рук,
Но сознание ясно его.

Он и в бездне страданий, истаявший весь,
Ждёт тебя, за тобою следит
И, когда ты подходишь: "Отец мой, я здесь!" –
На тебя, усмехаясь, глядит.

Спазм удушья уже его речи лишил, ¹⁸
Но, измотанный и немой,
Взгляд живых ещё глаз на тебя устремил –
Как будто коснулся рукой.

Потому что близка беда, горше всех бед.
Вот за горло взяла, за язык.
Отец что-то шепчет тебе, но - нет,
Сквозь губы звук не проник.

Духом твёрд, но с удушьем нет сил совладать,
В мёке тонет лицо, но в борьбе
Оно ясно, спокойно. Хоть трудно дышать,
Остаётся верен себе.

ב. קץ האב

זה אביך. זה אביך על מיטת הברזל.
את גשחת אל חשפת פנתו.
נראך לבלי שבך. עזץ מבץ.
ולא נסתתרה בינו.

הוא שאל לך מתחeo פלו. מעבר
מחשכו הוא שאל לך. מכה עד חיה.
יעת באת ותגידי אבי, אבי.
יעזץ מבץ ימינו.

ומדע כי נטל בדבר מאביך.
והכבד המחזק. וייגע.
רק עיניו החיות על פניה הוליה,
פאלן ידו בקה נגעה.

כי קרבה קרהה מכל הרעות.
כי שטפה עד צואר ותעלע.
אליר שפט האב נועת,
וקול האב לא ישמע.

פְּחוֹתִיו שְׂכִילָוּ לְמַעַל הַגְּשִׁימָה
וְפָנִיו הַטוֹּבָעִים בְּעֵבוֹב,
מִתְוִינִים וְצַלּוּלִים. כֵּל עוֹד בּוֹ נִשְׁמָה
איִן תִּמְאֶרֶת לְטִיבּוֹ וְשִׁנְיוֹ.

¹⁸ Отец Натаана Альтермана, Ицхак, умер в 1939г. от рака горла.

И сейчас, когда время минуты считать,
Его мыслям не ведом покой.
Ведь обычай отцов – жить в тревоге, решать,
Видеть завтрашний день пред собой.

Их не сломит ничто – ни несчастье, ни боль.
Речь мужчины, отца – суть их слов.
В этом суть всей их жизненной силы. Как моль,
Она въелась в поступки отцов.

Даже вырван из сотни, один встретит рать.
Не смиравшись, на землю падёт.
Тяжело, тяжело отцам умирать,
Их, как дуб, топор не берёт.

Дочь, скажи, что тоскуешь, не знаешь, как быть.
Это – час его. Встреть взгляд отца.
Надо просто всегда обо всём говорить.
И о смерти. Не ради словца.

Вот склонился к его напряжённым глазам
Мастер ужасов. С делом знаком,
Позвонки разбирает, дробит по частям,
Клетку к клетке кладёт рядком.

Не боится отец, не дрожит перед судьбой,
Даже бровью не поведёт.
Так в упорном молчанье последний свой бой
Опрокинутый навзничь ведёт.

Даже если он нем, и остра боль, как нож,
Когда видит: приблизилась дочь,
Ему кажется, ты, ты на помощь зовёшь,
И он должен тебе помочь.

גם מבעוד לחל' המר מן הבור
מחשכטו לא תדע לה מנוחה.
זה הָרָגֵל הַאֲבָתָה לְחַשֵּׁב וְלִפְוֹר
ולִדְאֹג דְּאָגֶת מַחְרָה.

זה הָרָגֵל הַאֲבָתָה לא לומר נאש,
רק לומר דברי איש אב.
זה חייזת ישוטם שחודרה כענש
בעמוקי הימים ופרטיו.

ממאה יעקר ונפל קרונות,
ובאחרון לא יוכל הקטע.
קשהים, קשיים הַאֲבָתָה לְמוֹת,
כללוں הקשה הקרע.

את היישרי הבית בו. כי זו שעטן.
את אמר לו כי רע וכי צר.
גם הימים, בת, יצא כל דבר מפשוטו,
ארך לפעית, ולא למילאה.

את ראה איך גותן על עיניו הסיות
באופן המפלי בעתה:
חחל' הדיאן, מפרק החליות
ומתיר הרקמה תא לתא.

את ראה: המוטל על גבו לא צעק,
לא רעד. לא הניע גבה.
כה, אבל עקש, עד עפר ועד דק,
נלחמים בשוכבים על גבם.

אבל גם בשבכון נטול קול ומזרע,
ובחרבר אלין, עד צעד
עד נדמלה לו כי הוא הפקרא לעזר,
את המבקשת סעד.

Ими древний обычай усвоен давно,
Это клятва меж ним и тобой.
Позабудется, кончится многое, но
Пусть на **и** вырастает сын твой.

Отец облаком снова всплыёт из глубин
(Вспомнишь в день, как настанет твой суд)
Сердцем любящий, телом болеющий – один
В этом мире, где все предают.

Расстаётесь. Ещё один взгляд. До конца
Был так ясен зрачков этих свет.
Но отец не умрёт: нет конца для отца,
Он покинет живым этот свет.

Вот погасли глаза, тень коснулась лица.
Плачь, он брата и друга был ближе.
Неподвижны, немы губы отца,
Но он будет ещё услышан.

3. На земле камней

Я именем того, кто вечно в памяти твоей,
И именем Того, кто взял его, Велик и Свят,
Заклял тебя: как враг придёт, будь всех сильней,
Огонь, и лёд, и страх преодолей,
Будь цепче, чем репей, живучее стократ.

Наш слабый корень вырван, вновь не прорастёт,
И плод наш сохнет, жаждет ливня он.
Но не сомнёт рука его и зуб не разгрызёт,
Семь раз растоптан будет, но не пропадёт.
И, - пусть не слышат, - прозвучит: "Силён!"

Мы нищи, ничего у нас с тобою нет.

זה הרגל האבמת בקדמון ובטם.
זו שבועה שבים וビינה.
את זכריה. הרבה ישכח ויטם.
אבל ב ה תגדי את בנה.

עד עלייה כעב ירד זכר האב,
להזכיר ביום דין ופיגדה,
כי לבו שאהב ובשרו שכאב
אחרונים בעולם לבגידה.

הפרד. כי בא סוף. הוא מביט בר. עד קץ
מצצו אישני הרים.
כי האב לא ימות. כי הוא אב לאין קץ.
כי שאולה ירד חים.

אפילו הפנים וחויכו הראות.
בכי לטוב לך מאה ורעד.
שפתי האב אין גנות,
ארק קול האב עד ישמע.

ג. על ארץ-אבנים

ובשם הלא-נשכח שיזכר ויפגד.
ובשם ליקחו שיתגדי ויתמקדש,
בשבתי לה: ביום צורר ויום פזק
קשה תהיה, עקשה לך וליוקד,
ונדרדר מمراה ומכו המושךך.

הגה שרשנו מרה וכבר משלמה
וגריעינו צם ואל מטר זעק,
ארך יד לא תנכח ושן לא תפצת
ושבע ירמס מליל עד בקר צח,
אבל בגין שומע יאמר חזק.

עיבינו עד מaad, שדעתם לבלי עוד,

Ни званьем, ни величьем не блестим.
Когда мы будем, серые от бед,
На прахе перед Ним держать ответ,
Прикроешь сына фартуком своим.

Такою ты восстанешь для суда
Там, где ни дерева, ни трав – в стране камней:
Красу твою смели преступные года,
Не озаряла радость взор твой никогда,
Но страхов всех спокойствие сильней.

И, стоя в той стране перед Отцом,
Тогда ты скажешь, серая лицом:

Мой Бог, твоя раба перед Тобой –
Творение Твоё и образ Твой.
Ни званий, ни величья – жалкий вид,
И рядом сын мой, фартуком прикрыт.

Ни жалости не просит (кто ж жалел!),
Ни утешения (кто ж утешать хотел!).
Не просит смерти, жизнью дорожит,
И в прахе, как живая, здесь стоит.

Ты только, Милосердный, дай ей сил,
Чтоб не упасть до времени без сил,
Чтоб устоять, где камни и репьё,
Ей с тем, кто скрыт под фартуком её.

לא תאר לנו, בת, ולא קדר.
באללה הפנים האפורים משד
על עפר ליום דיןנו נעמד,
ואת הבן חובה בטודר.

על ארץ-אבנים יקומו הפנים,
על ארץ לא-שבלת ולא-עץ.
בה, לא פה שליל, פשעו בה הימים,
בה, לא שמחה שליל, עיניה לא יונם,
ושלוותה עזה מהתפלז.

וככה יאמר על ארץ-אבנים,
בעמדך מול אל ואפורת פנים :

ראה, האל, את שפתחת בת אמתה.
ראה אומה בצלמה ובדמותה.
לא תאר לה, אל, ולא קדר,
והיא הבן חובה בטודר.

לא רחמים בקשה. ולא רחמה.
לא נחומים בקשה. ולא נחמה.
ולא מותה בקשה. גם הננה חייה.
ועל עפר עומדת כחיה.

רק כמ תן לה, אב רחום, רק כמ.
למען לא תפלו בטעם עת בל כמ.
ברוך נתן כחו על ארץ זדרדר
ולה ולטבוק לה בטודר.

1

Глава 7

1. Ночь осады

Враг несёт смерть, издёвку, страх.
Стань у порога! Вот он идёт!

א. ליל המצור

לעג ומות אובי ישקה.
קומי בפתח, כי צר אזען.

Стань у порога с оружием в руках,
Готовься, настал черёд.

קומי בפתח. אמץ נשקה.
הכני, כי בא מועד.

В руке рукоять, но, хоть заперт дом,
Не спастишь: враг со всех сторон.
Вжалась в стену лицом
(Словно контур резцом)
И надежду из сердца вон!

כי בא, כי נשלם. השבר השבט,
אריך בדקה על קת.
עם הקיר נצבת
וכמקר נחצת
ותקווה מלבה הכרעת.

Пытается враг штурмовать ещё раз,
Но ты, ты испытана жизнью не раз.
В отчаянье видел тебя, но живой.
Отчаянной вижу, готовой на бой.

ליל מצרים. ליל נפיין.
ואת נכוונה ולמודת נפיין.
ראייתך נאשיה. ראייתיך חמושה.
שריד ופליט לי, ומצח נחששה.

Увидел и понял: равно остро ждут
И гибель, и праздник, что скоро придут.
Ты вся без изъяна, ты жизнь мне дала.
Сегодня свою жизнь сожжёшь дотла.

ראייתך ואBIN כמה דק פtag
שבין טרם-שואה וערב-חג.
סימים לי נשתלה. שלמה בל מגערת.
וחים אתה הלילה נקערת.

Пока немы мечи, взгляд недвижен твой, дочь.
Как в развалинах, прячусь в тебе, глядя в ночь.
Как забыть мне тебя: у меня ты одна!
Как забыть, ты одна лишь загадка всегда.
...Ты стоишь у стены, и не дрогнет рука -
Кто взойдёт на порог, сгинет наверняка.

רק עיניך שטמה עד דבר חרבות.
רק אני הבה ער בה כבן חרבות.
אייה אשכח, ויחידה לי ב'ית. ויחידה.
אריך אשכח, ולחידה לי נשארת. לחידה.
- - - וhaba עד סוף יוספה באחת.
כי נצבת אל הקיר יידך על הקת.

Я с тобою здесь тоже,
И свидетль пока,
Что нет страха и дрожи,
Что спокойна рука.
Ты, усталая, гонишь сон
И надежду из сердца вон.

פה אני עמך
אני לך עד,
כי שוקטת ידה
אין שת ורעד.
רק תקווה מלבה הכרעת.

Как свеча, город ярким горит огнём.
Осаждённым надежды нет.
Уготован пепел всем тем, кто в нём,

תאבד התקווה ויכבה הנור
יגדול אתה אוֹר פְּכוֹן.
ובעיר בחולון בוערת פיר

עַפְרָה לְבָרוֹאֵי נִכְן.

Но не гаснет прозрения свет.

Вестник в город пробрался во тьме ночной,
Весть благую принёс им он:
Великим спасеньем
Закончится бой,
Но наш жребий, увы, предрешён.

Пытается враг штурмовать ещё раз,
Твои братья испытаны жизнью не раз.
Стоят с оружьем, надежды без,
Стоят, как вражда меж людьми, как лес.

Сильны силой праха, бедны до могил,
Но прах не укроет их ревностный пыл. ¹⁹
Он с ними взращён, и нет в нём изъяна.
Но до срока ни словом коснуться нельзя нам.

И один из них сказал другим:
"Чует сердце, не выйду отсюда живым".
И сказал второй: "Горькой смертью умрём.
Будем призваны ею мы завтра днём".
"Но спасенье грядёт, - сказал третий, - и нас
Призовут ликовать в его радостный час".

Глаза подняли,
И Бог увидал:
Эти страха не знали,
И никто не предал.
Ни предатель, ни страх не отыщутся тут.
Завтра все они смертью умрут.

כִּי הַפּוֹסֶד מְלָאָה, כִּי מְנוֹסֶת קֶלה,
וְקָרְבָּה הַגְּעָץ.
וְבָשָׂר : עֲזָלה
וְשֹׁעַה גְּדוֹלה,
אֲךָ דִּינָנוּ קֶלה נְחָרֶץ.

אֲךָ בְּלִיל מִצְרִים, בְּלִיל נְזִיזָן.
אֲמִיכָה נְצָבוּ לְמוֹדי נְסִיזָן.
נְצָבוּ נְאָשִׁים, נְצָבוּ חִמּוֹשִׁים,
וְקִיעָר סְמָרוֹ וְקַאְיבָת אָנָשִׁים.

פְּחִם מַעֲפָר וְעַנְמָם עַד עַפְרָה
וְקָנָאת נְצָרִים לֹא יָכַס הַעַפְרָה.
עַמְּקָם הִיא טֶפֶחה. שְׁלָמָה בְּלִי מְגֻרָעָת.
וְעַד עַת אֶל דְּבָר בָּה ְגָעָת.

אֲחָד לְאָחִיו אָמַר : אֲחִי,
לְבִי לִי מָגִיד לֹא אָצַא מִזְהָה חַי.
וְאָמַר הַשָּׁנִי : מְרַפְּעוֹת סָר,
וְאַנְחָנוּ קְרוֹאִים בַּיּוֹם מְקָרָה,
וְאָמַר הַשְׁלִישִׁי : וְשֹׁעַה עֲזָלה,
וְאַנְחָנוּ קְרוֹאִים בַּיּוֹם גִּילָה.

וְיִשְׁאָו עִינְמָם
וְהַאֲלָל לָהּם עַד,
שְׁאָנִי חַת בִּינְמָם,
אֲחָד אֵין בָּגָד.
אֵין בָּגָד בִּינְמָם וְאֵין חַת.
וְמְקָרָה הַמְּנֹסְפִּים עַד אֲחָד.

¹⁹ "Всё произошло из праха и всё возвратится в прах" (ТАНАХ, Писания, Коэлет, 3, 20).

ב. שחר

У входа в город столкнулись тела,
Как пламя с соломой – сжигая дотла.
И сильный воскликнул: "Моя взяла!"

Вышел из города старец седой.
Погибшего тело несёт с собой -
К братьям его приобщить за стеной.

Враг ликует: "Солому пламя пожрёт!"
И навстречу железу город встаёт.
Металл встречает металл у ворот.

Вот второй пошёл и, пронзён, упал.
Но подняться смог. "Повезло!" – сказал...
Пока видел свет, на ногах стоял.

Поднимают братья рядами меч,
Чтоб осаду прорвать и в полях полечь.
Как по брёвнам пила, ходит смерти смерч.

Враг ликует: "Победа! Наша взяла!
Жжёт солому огонь, сталь кромсаёт тела!"
Твои братья бьют врагов без числа.

3. Город пал

Грозный Отче, хранящий, разящий судом! -
Нас для радости светлой создал Он. -
В этом городе, гибнущем двор за двором,
Грозный Отче, создавший нас всех, чтоб потом...
Мы ликуем. Смотри, нас не стало!

Мы ликуем, да будет рассвет!
Это гибели радость. Светает.

פֶתַח הָעִיר גּוֹף עַד גּוֹף נְגַשׁ.
גּוֹף בְּגּוֹף אָחֶז כְּמוֹ אֲשֵׁן בְּקָשׁ.
גָבָר הַסְּזָק וַיַּפְלֵל הַחֲלָשׁ.

פֶתַח הָעִיר יֵצֵא אִישׁ שָׁבֶב,
אֶת גּוֹף הַמְּפֻל עַמְסָה עַל גַּבְּ.
וַיַּשְׁאַל גַּבְּ וַיַּשְׁיבֵן אֶל אַחֲיוֹ.

אֲז אָחֶל אָזִיב : אֲשׁ אָכְלָה קֶשׁ !
אֲז נָעַה הָעִיר, כִּי בְּרַצֵּל נְגַשׁ.
אֲז בְּרַצֵּל בְּרַצֵּל פְּגַשׁ.

וַיַּחַרְגֵּ שְׁבֵי וַיַּפְלֵחַ בְּמַד.
וַיַּקְוֹם עַל רְגָלֵי וַיִּקְרָא : בָּא גָּד ...
וְעַד כְּלֹת נְשָׂמָה עַל רְגָלֵי עַמְדָה.

אֲז אַמְּרֵי יֵצְאִים שְׂוֹרוֹת שְׂוֹרוֹת,
לְהַבְּקִיעַ מַצּוֹר וַיַּפְלֵל לְבָרוֹת,
וּפְמֹות הַזְּלֵג כְּמַשְׂאָר בְּקוֹרוֹת.

וַיָּאָחֶל אָזִיב : בָּא גָּד, בָּא גָּד !
אֲשׁ אָכְלָה קֶשׁ וּבְשָׁרִים וְטָרֵף מַד !
אֲמְרֵי מַכִּים כְּשֹׂאָה. כָּאָפָד.

ג. נופלёт город

אֲבָנָה וְנוֹצָר וּלְמֹות קֹזָר,
לְשָׂמָחָה וְלִשְׁשָׁן בְּלִדְנָה !
מִן הָעִיר הַמְּדֻבְּרַת חָצָר, חָצָר,
לְשָׂמָחָה וְלִשְׁשָׁן, אֲבָנָה וְנוֹצָר,
פְּעַלה רַעֲנָנוּ – אֲבִדָה !

רַעֲנָה, הָוִי כִּי לִיל פְּנָה,
לְגִילָת אֲבִדוֹן עַלה שְׁחָר.

Это старая радость, другой у нас нет.
Братья! Может сегодня, раз в тысячу лет
Наша смерть некий смысл обретает.

Братья, братья! Не зря в этот раз, может быть!
(Твои братья "Аминь!" отвечают)
О земля, о земля, где нам выпало жить,
Если это ты сможешь предать и забыть,
Пусть все дни твои смеха не знают!

Пусть навеки забудет веселье тебя, ²⁰
Будь, как солнцем, стыдом сожжена ты!
Вышел пахарь с утра на поля, ²¹
И спросил его друг: "Это что за земля?"
И ответил: "Земля растраты".

Грозный Отче хранящий! Пылает огнём,
Как свеча, тает город наш – двор за двором.
То конец, дочь, настал. Радость, горе, война –
Слава вам! Слава счастью, что ты лишена!
Может, высшее счастье ждёт всех нас в конце:
Счастлив не осаждавший, а тот, кто в кольце.
Счастлив червь – презираем, ограблен, больной,
Окружён, уничтожен, запахан землёй –
Начинает с начала, не забыл ничего.
Нет покоя ему, смерти нет на него.
Приговор был строг:
Утопить в крови,
А зверей всех бог
Повелел: живи!
Ты упала без сил, телом сына прикрыв,
Чтобы был до спасенья великого жив.

הוּא כִּי לֵיל פָּנָה, הַוְּא גִּילָה נֹשֶׁנה,
בָּחֲנִים ! אֹולֵי פָעֵם לְאַלְפָ שָׁנָה
וְשָׁלְמָתָנוּ שָׁחָר.

את הפעם אולי לא בקי !
ওamen עזבם אטיג.
ארץ, ארץ, עבי מחשפי ובגדי,
אם גם זה את תשפחוי, אם בזה את תגבידי,
את הצעוק אל ידעו טיר !

אם גם זאת תשפחוי, תשכחך השמה,
וכלי מה כמו שמש تعال,
ויצא החורש לשדה הבוכה,
ושאל לו רוע : מה תחרש בהמתך ?
ונעה : את אדמות המעל.

אב נרא ונוצר! עיר דלקת כנור!
עיר דלקת ונלכדת פצר, פצאר!
הוץ, בטוי ! בא הוך ! וחי גיל ואירה,
חי אשיך הטעהור שגורש כמזרע,
חי כל עצם רישנו, כי בין המקרים
לא אשורי הארץים, כי אשורי הנוצרים!
ואשרוי התולע הנלעג והרש,
סמרמה ומקרף וממגר ונחרש,
וחומר מסך ויזכר ועוזן,
ומרגוע לו אין וכלה עליו אין!
כי הזר קחרות
אררו למות!
ואלמי המית
אררו לחיות!
ווץ בא ויבשר... וכחך כליה.
רק הבן עוד חבקת לישועה גדולה.

²⁰ Если я забуду тебя, Йерушалаим, пусть забудет (меня) десница моя. Да прилипнет язык мой к нёбу моему... (ТАНАХ, Писания, Книга псалмов, 137).

²¹ В древности рядом с кладбищем было поле, где оплакивали умерших.

ד. סיום

4. Заключение

Дочь, паду на лицо твоё.
Смерть тебя отнять не сумеет!
Ты лежишь – ужас, горе моё! –
От лица вечным мраком веет.
Дочь, проснись, мы сильны вдвоём!
Смерть есть ложь, повтори скорее!

Дочь, спасенье придет всё равно.
Велико! Мы увидим сами.
Жизнь разбита, но ложь, что оно
Безвозвратно потеряно нами. ²²
Верю: враг обречён давно.
Ты увидишь своими глазами.

Жив детёныш единственный твой,
Что зубами из рук вырывала.
Сын живой, повторяй за мной:
Я хочу, чтобы мать моя встала!
Боже дочери, Боже мой,
Рви речь траура, радость настала!

Дочь, мы отдали всё для побед,
Для спасенья – в нём есть наша доля.
Даже мысли о мести в нас нет –
Далека, как далёк смех от боли,
Как смех юных, не ведавших бед,
От величия праздника воли.

אל פניר אָפֶל, בְּתִי,
לא ייכל, לא יוכל לך מות!
את שָׁכֶבֶת, תִּמְנוֹת בַּעֲוָתִי,
ופניר אָמָרִים צְלָמוֹת.
עוֹרִי, עוֹרִי, חִזְקֵי, בְּתִי,
אמְרֵי לִי פִי שְׁקָר מֹות!

כִּי עַלְהָ יִשְׁוֹעָה, בְּתִי,
כִּי גָדוֹלָה! כִּי שְׁלָמָה! כִּי נְרָאָה!
גם ברמס אֶת חַיִ בַּזְעַטִי
לא אמרתי אֲבָדָה וְאַינָה.
רק אמרתי יִשְׁיָם, בְּתִי,
וְתִם צָר, וְעַיְנָה תְּרָאָה!

את גורחה, את החרח, בְּתִי,
בְּשִׁפְךָ מְלֻטָת מִמְעִינָנוּ.
קְרֹם, הַמִּן הַפְּמַת! קָרָא אֶתְתִי!
וח'תָה הַחֲרַתָךְ לְעַיְנָנוּ.
אלָהִי, אלָהִי בְּתִי,
קָרָע מִסְפָד, כִּי שְׁמַחָה בְּמַעֲגָנוּ!

לִיּוֹם גִיל וַיְשֹׁועָה, בְּתִי,
את הכל, את הכל נתנו.
ומח'שְׁבָת נְקָם, בְּתִי,
כמו שְׁחוֹק רְחוֹקָה מַאֲקָנוּ.
כמו שְׁחוֹק נְעָרִים, בְּתִי,
לִמְול עַצְם חֲגָנוּ שְׁלָמָנוּ.

²² Ещё не пропала наша надежда... (Гимн государства Израиль).

Братьев вставших услышишь привет.
Ты не зря надрывалась, старея.
Сын отмерит в конце твоих лет
Тебе ложе в земле евреев.
Нет, не всё суeta сует,
Нет, не всё, говорю тебе я.

עוד תחיה בין אחיכם, בת',
עוד תרואי כי יגעת לא להבל.
ולעת, על אדמת בריתך,
בנרג משכבר לך ימד בוחבל.
לא הפל הבלים בת',
לא הפל הבלים והבל.